

A detailed illustration of a woman with long, wavy orange hair and fox-like ears. She is wearing a white maid-style dress with black accents, including a bow at the collar and ruffled cuffs. She is reclining on a red surface, looking directly at the viewer with a slight smile. The background is a soft, warm gradient.

КНЯЗЬ РЫСЬЕВ

Евгений Лисицин
Алекс Рок

КНЯЗЬ РЫСЕВ

ЕВГЕНИЙ ЛИСИЦИН

КНЯЗЬ РЫСЕВ

«Автор»

2023

Лисицин Е.

Князь Рысев / Е. Лисицин — «Автор», 2023 — (Князь Рысев)

Еще вчера я был гол, а сегодня сокол. Точнее, рысь. Князь Рысев, приятно познакомиться. Хотите знать, что дает мой титул? Головную боль, официальную опалу у императора, и всеобщее желание моей смерти, даже у соседской кошки. Хрен им! Умирать второй раз не по-княжески. Тем более у нас тут есть лисодевочки, сексуальные демоницы и чародейки прямо огонь, причем в прямом смысле слова. Значит, прорвемся или порвемся, тут уж как карта ляжет. Ну, понеслась...

Евгений Лисицин, Алекс Рок

Князь Рысев

Глава 1

Когда у судьбы на тебя планы – ты хоть что делай. Можешь бежать, плыть, хоть через скакалку прыгать: догонит и позволения спрашивать не будет.

Мой батя именно так всегда и говорил, а под судьбой имел ввиду смерть. Кого-то она находит тихо-мирно спящим на диване, кого-то в уличной драке. Поговаривали, что даже к тем, кто прячется в канаве, она неравнодушна.

Моя же нарядилась в треники, майку-алкоголичку, щедро опохмелилась с утра – и за руль камаза! Еще и под музыку эту навязчивую из сериала про дальнобоев, поди...

Говорили же мне, что на дороге больше дураков, чем кажется, и потому, если видишь пыхтающий большегруз, – не верь в права пешехода, прояви уважение, пропусти.

Говорили, и не раз. Просто я слишком поздно понял, что водятел и не планирует сбавлять скорость, а я не успею, даже если резко прибавлю хода...

От дальнейшего меня избавили удар и темнота...

По ушам долбило так, будто у меня кто над головой гремит десятком кастрюль разом. Старательно так, сволочь, гремит!

– Федор Ильич, вы в порядке? – О, а вот и кто-то надсадно орет мне прямо в ухо. Тормошит, зар-раза, а все тело с ног до головы прям болью пронизывает. Уж не знаю, какой ему там Федор Ильич от меня нужен, но если он продолжит в том же духе, то найдет у меня только Люль, отнюдь не Кебабович.

А может, подумалось мне, это врач? Ну, когда по тебе грузовик проедется, их в первую очередь зовут, сто раз в кино видал. Врачи, санитары, медсестры-медтещи...

Проситель продолжал звать – надрывно и надсадно. Через силу открыл глаза, губами силился сказать, что из Федоров я только любителя простокваш да котов с собаками знаю. А самого меня зовут... а я не помню! В голове винегрет из мыслей.

Открыл и малость офигел.

Это что за хренотистика? Размечтался я о врачах-то: вместо работников шприца и халата меня в чувство пытался привести какой-то бомж. С испугом на грязной роже и дикими глазами. Заулыбался, будто я ему щас полпальта мелочи и шкалик в награду отсыплю.

– Живой! Живой барин-то! Федор Ильич, встава...

Договорить ему не дали. Трое удальцов наскочили на него из ночной мглы. Когда это уже ночь-то успела случится, все ж днем произошло?

Крякнул, попытался встать – так уж меня воспитали. Как бы хреново ни было, а на ноги вставай. Только сейчас мне оказалось на редкость хреново, до уникального паршиво, по-легендарному мерзко. В груди так кольнуло, что я чуть дугой не выгнулся и волком не завыл.

Только сейчас заметил, что льет как из ведра, самого меня к стене спиной усадили, а под рукой – какая-то железка блестит: то ли лом, то ли дрын...

Бомжи дрались меж собой не на жизнь, а на смерть. Видать, содержимое моих нищих карманов им столь дорого, что в ход уже пошло оружие.

Будь у меня силы, я бы им крикнул, что оно того точно не стоит: дырявить друг дружку за полсотню рублей на проезд да обломок старой расчески...

Мой бомжик отбивался яростно, будто в кинe. На вид он был в годах, но двигался как бог! Едва кому-то из претендентов на мои «сокровища» удавалось сделать шаг в мою сторону, как он вмиг оказывался перед ним, блокируя путь.

А с головой у меня точно не все в ладах – сотряс. Иначе как объяснить, что над головой того, кто меня невесть за какую провинность Федькой прозвал, я отчетливо видел буквы?

И-бра-гим, стало быть. Да еще и Кондратьевич. Перед глазами плыло, а потому мне казалось, что надпись снизу мне заговорщически подмигивает и шепчет, что старикан-то у нас мастер-слуга. Третьего ранга, между прочим, это тебе не тут!

А вот над его соперниками разве что знаки вопроса висели. Мистеры икс и люди хэ в одном флаконе.

С Кондратьичем все было не в порядке. Слово в компухтерной игрушке, над ним висело всякое. Старая рана, преклонные года, усталость – все перманентное. Хотя дивись, как он на ногах-то еще стоит.

Тьфу, вот и сглазил! Троица моего бомжика сбила с ног – уходя от их клинков, он покатился прочь.

Один из этих прощелыг тотчас же навис надо мной. Кислая грязная рожа, дырявая насквозь рубаха, у правого плеча красное пятно растет – достал его Ибрагим.

Смеется – хрипло так, мерзко, сейчас бить будет, и был бы я рад, если б только ногами!

Испугался как не в себя, призвал себе в помощь Гарольда – пусть с пивом еще и мою боль поддержит. Даже если это предсмертный бред, не стоит позволять себя дырять всяким проходимцам. Силился встать – ноги меня плохо слушались. Дрын под рукой не казался надежным оружием против того, что сжимал мой противник – у него-то стальная, длинная и хорошо заточенная зубочистка. Он лыбился мне криво и по-разбойничьи – будто моя выходка пришлась ему по вкусу и он только рад отделать меня как бог черепаху.

Он бросился на меня в резкой атаке, метя клинком в горло. Тело ныло, стонало, умоляло прекратить сопротивление и отдаться на милость судьбы, позволить превратить себя в дуршлаг. Нет уж, дудки! Слово в детстве, подражая мушкетерам, я принял фехтовальную стойку – криво, косо, как умел. Но первый удар удалось отбить.

Мерзавец засмеялся. Он потешался – моя попытка казалась ему забавной игрой. Он будто так и говорил: «Иди ко мне, мальчик. Дядя научит тебя, как должен держать оружие настоящий мужчина». Издеваясь, он выбрал своей целью мои щиколотки – полоска стали больно и обидно хлопнула меня по заднице. Его смех черным ядом проливался на мою душу, вызывая дику, лютую злость.

Он бросился ко мне в третий раз, и вот тут уже для него случилось непредвиденное: я взвился смертельным вихрем. Железная палка в моих руках ударила снизу, скользнув под его защиту, заехала по скуле. Крутанувшись на месте, он зашепшил прочь, прячась в полах своего не в меру широкого плаща.

Я не дал ему восстановиться, помог рухнуть в гадкую лужу, толкнув ногой в спину. Вскинув руки, роняя оружие, он сменил издевательский оскал на маску предсмертного ужаса. В меня словно вселился дикий зверь, я не желал оставлять его в живых. Видел, как широко раскрылись его глаза, как он просящее выставил ко мне пятерню, умоляя о пощаде – тщетно.

Дрын пробил его голову насквозь, словно перезрелый арбуз – я даже не думал, что это будет так легко. Я видел над его головой полоску здоровья с цифрами, что с выпорхнувшей из его тела жизнью устремилась к нулю. Забившись в предсмертных конвульсиях, он затих на земле сломанной куклой. Осознание случившегося легло на плечи тяжким грузом. Злодейка-совесть, кажется, готова была заесть меня за то, что я посмел добить безоружного.

Какое, спрашивала она, у тебя оправдание? А я что? Я ничего – не привык доказывать, что не верблюд. Ответил молчанием.

Мое тело вдруг решило сообщить, что оно и без того позволило слишком много. Последние силы, пакуя чемоданы, сняли шляпу, сказали «привет» и сообщили, что они все. Дальше, мол, ты уж как-нибудь сам...

Ибрагим же прям в индийский фильм просился – не бился, а танцевал! Чудом вновь оказался на ногах, оттолкнулся от стены, крутанулся вихрем – противники в нерешительности отступили на шаг. Старик будто каждым движением лыбился своей проснувшейся сноровкой. Выхватил инициативу из их неловких пальцев, словно горячую картошку. Втроем его могли теснить – но вот вдвоем...

Его клинок опробовал видимую брешь снизу у того мерзавца, что оказался ближе, но встретил сопротивление. Старику будто того только и нужно было, ибо короткий кортик – где взял, откуда достал? – тотчас же вспорол поганцу брюхо. Выгнувшись и разом потеряв всю волю к сопротивлению, тот начал удачно заваливаться на союзника. Бухнулся тому прямо под ноги, заставил его споткнуться – и это решило исход схватки.

Кондратыч меня еще раз окликнул, ухо грязное мне к груди поднес. Как понял, что дышу, от радости разве что не лопнул.

– Сейчас, барин, сейчас! Вы только держитесь – до города-то рукой подать! Слышите, Федор Ильич? Нельзя помирать. Видите, вон уже огни городские...

Я не видел, чуя, как проваливаюсь в беспамятство. Но слышал топот сапог наших преследователей...

Получено: 200 единиц опыта!

Вами получено достижение!

Дразнить Костлявую: получить смертельное ранение и выжить! Такое не каждый день случается, ага?

Бред властвовал в голове, правя бал суматошными снами. Потехи ради он заставлял меня убегать от стаи крохотных, но кусачих камазов, резко превращая их в один гигантский, готовый намотать меня на свои колеса. Пробуждение стискивало в руках молот боли, не обещая мне ничего хорошего. Сейчас, говорило оно, ты только открой глазки, дружище! И мы зарядим тебе прямо в лоб. Боясь подобной перспективы я не спешил открывать глаз.

В редкие моменты мне все удавалось на мгновение вырваться из душного, горячего плена морфея. Надо мной хлопотали – я слышал голоса, чувствовал, как с меня стягивают рубаху, нежными руками растирают по груди какую-то до безобразного вонючую мазь. Во рту стоял гадкий привкус, меня мутило – не знаю даже, каким чудом не стошнило.

В меня время от времени заливали отвратную, терпкую на вкус дрянь – она ухала куда-то в желудок, тут же горячим теплом расходясь по всему телу. Влажные тряпицы одна за другой спешили посетить мою голову. Потом резкий, суровый, но красивый женственный голос выгнал всех прочь из комнаты. Хирург, наверно. Может быть, даже очень красивая. Не так страшно умирать на руках прекрасной девушки. Через силу, но я попытался улыбнуться, прежде чем мгла вновь овладела сознанием.

Когда же ко мне вернулись силы, а я ощутил, что на самом деле не сплю, а просто самым наглым образом валяюсь с закрытыми глазами. Стало понятно: я жив, а значит – слава нашим эскулапам! Злой сарказм поигрывал ножичком злых шуток, поспешив шепнуть на ухо, что попавшие под грузовик новенькими, чистенькими и здоровенькими не бывают. Как думаешь, вопрошал он, чего у тебя больше нет? Рук, ног? Может, чего еще не менее важного?

Его противный гогот заставил меня открыть глаза, дабы принять горькую правду своего нового бытия.

Правда оказалась очень даже сладкой. Я захотел покачать головой, прогнать наваждение – проснуться-то я проснулся, а вот бред никуда не делся. Хотя на такой бред ой как грех жаловаться. Рядом со мной, поверх одеяла, возлежала рыжеволосая девица. Стыд ей был явно не знаком – задрав подол ночной рубахи, она увлеченно водила рукой между ног. Легкий пушок рыжих волос пробивался на гладкой коже, сама же она, закрыв глаза, чуть приоткрыв рот, стояла от томного самоудовлетворения.

Чего уж тут говорить, неожиданно. Я видел порно, которое начинается точно так же. Поддаваясь естественному мужескому порыву потянул к ней руки, высвобождаясь из-под одеяла. Ммм, как мягко и тепло. Встрепенувшись, девица вдруг открыла глаза, часто заморгала – я ждал, что она влепит мне затрещину.

Вместо этого она решила наградить меня объятиями – обрадовавшись, как родному, уткнулась лицом в мою грудь, зарылась, будто в подушку. Ей как будто было все равно, что мои руки бесстыдно гуляют по ее телу, неспешно ползут к оголенным ягодцам. Не ущипнуть такие круглые орешки было попросту невозможно.

Тело просило большего, требовало сорвать с нее нескромный пеньюарчик и показать, что я делаю с теми девицами, что просыпаются в моих объятиях.

Огляделся – если я где и был, то уж точно не в больничной палате. Со всех сторон на меня уныло взирали натюрморты, будто кто-то хотел засыпать, любясь на бесконечные подносы с едой. Кровать с балдахином приняла на себя всю тяжесть моей тушки, чуть поодаль высились заполненные книжные шкафы. Ну или я, будто в каком фильме, провалился добрых два десятка лет в коме, и мир изменился до неузнаваемости. Если тут так больных лечат, я не против поболеть еще недельку-другую, а то и целый месяц прихвачу.

На пышной софе напротив лежала, съездившись в три погибели, темноволосая девчонка. Сопела, прижимая к объемистой груди плюшевого мишку – словно надеялась им согреться.

Так, ну, еще странней-то оно все стать ведь уже не может, правда?

О как же, чтоб вас всех с подвывертом, ошибался!

Девица, что избрала меня в свою лежанку, вдруг встрепенулась. Сквозь рыжие волосы приподнялись острые, треугольные ушки с красно-черным мехом.

Она приподнялась, и на меня в тот же миг уставились зеленые, полные любопытства глаза.

Не знаю, чего я ждал. Женщины, просыпавшиеся в моих объятиях прежде, были горазды на всякого рода каверзы. Одни спешили отвесить пощечину, другие хмурили брови, третьи удивлялись моему обществу – словно надеялись, что за ночь я обращусь в принца на белом мерседесе.

А эта была мне рада, словно утреннему рассвету.

– Проснулся. – Она хлопала глазами так, будто надеялась взлететь на ресницах. – Проснулся, проснулся! Ты проснулся!

– Я проснулся, – кивнул, соглашаясь. Как будто не я только что ей сиськи мям. Она не дала мне встать на ноги, легко, но настойчиво толкнула вновь на кровать, будто требуя продолжения банкета.

– Алиса! Сейчас же перестань! Ты что вытворяешь?

Брюнеточка уже была на ногах. На лице – вся учительская строгость. На носу маленькие очки с голубоватыми линзами. Одной рукой она продолжала прижимать к себе игрушку, второй тащила от меня Алису за пушистый хвост. Та сопротивлялась, но очень слабо.

– Сплю с ним вместе. Нельзя? Мы в детстве всегда спали... Втроем!

На миг подумал, что если бы мне в жизни выпал тройничок с такими красотками, я бы обязательно запомнил.

– А ну слезай с него! Живо! – При упоминании подружки о том, что мы раньше частенько делили одну постель, девчонка густо покраснела и зажмурилась.

– Его раны только-только затянулись! Ему еще нужен покой, а ты уже... как всегда!

Алиса нехотя сползла с меня, встала с кровати, пошла к креслу, где кучкой лежала одежда. Она знала о своей красоте, а потому каждым движением желала, чтобы ничто тайное не укрылось от моего любопытного взгляда.

– Федя! Федечка, как же я рада, что ты выжил! – Плюшевый медведь рухнул к ногам, а сама брюнеточка схватила меня за руку. У нее были маленькие, нежные, почти детские ладошки. Это она меняла мне компресс, понял я.

Облизнул губы – если уж и пришло время задавать вопросы, то точно сейчас. На розыгрыш все это походило меньше всего. Тогда что? Почему меня зовут чужим именем? Что я делаю в доме, обставленном под старину с двумя девицами... косплеершами?

Алиса не стала удаляться для переодевания, а лишь на миг скрылась за небольшой ширмочкой – чтобы через мгновение предстать в образе горничной.

– Ты помнишь, что вчера произошло?

– Смутно, – отрицательно покачал головой. Ко мне вдруг вернулись вчерашние видения – буквы вновь спешили сложиться в слова, теперь уже над головами девушек. Я на миг зажмурился, и морок исчез.

– Вчера на тебя напали. Почти у самого Петербурга. Благо, что Ибрагим был с тобой...

Она мялась, жалась и чувствовала себя не в своей тарелке. Ей как будто не хватало той же смелости, что у Алисы – из последних сил она боролась с желанием стиснуть меня в объятиях. Как бы ей мягко-то намекнуть, что я далеко не против?

Снова покачал головой, прогоняя лишние мысли. Значит, дождь, драка бомжей, мой выпад той бандурой в сторону нависшего надо мной поганца – все это не сон? Или сон, а сейчас его продолжение?

Так не бывает.

Девчонка мое замешательство восприняла по-своему.

– Тебя ранили... Вот сюда. – Она осторожно и будто спрашивая разрешения, коснулась моей груди, тут же отдернула руку, словно боясь обжечься. – Ибрагим тебя едва живым притащил к нашему порогу. Отец хотел лекарей звать, но мы с Алиской тебя... сами.

– Всю ночь! – тут же отозвалась лисица. – И даже видели тебя без штанов! А Майка не спускала глаз...

– Алиска, поди вон! – Девчонка начала соревноваться в красноте с помидором. Взорвалась и указала нахалке на дверь. Та, звонко хихикнув, поспешила прочь.

– Ты прости ее, знаешь же, какой она бывает своенравной и вредной.

Я вновь кивнул в ответ.

– Подожди, ты сказала, что напали недалеко от Петербурга. Как я тут вообще оказался?

Майя – кажется, это было ее имя – вдруг стала серьезной и суровой, положила ладонь на мой лоб.

– Жара вроде нет. Федя, ты хорошо себя чувствуешь? Как ты мог забыть, что прибыл сюда для поступления в высшее офицерское училище имени Суворова?

Ну она права. О таком бы мне уж точно забывать не следовало. Пазл в голове складывался, пожимая плечами и говоря, что я, мягко говоря, попал.

Причем сразу и во всех смыслах. Стандартный ход любого аниме: выюнош, сердцем чист, пенисом девственен, взором горяч, сигает от нелегкой жизни под большегруз – и попадает прямо в трусы ушастых эльфиек.

Я смотрел на Майю и думал, что уж нет, лучше в ее заботливые ручки чем к эльфийкам.

Впрочем, радоваться точно было рано – едва попал, так меня чуть на тот свет не отправили. Представляю, какой опус бы тогда про меня написали – на две странички.

Ладно, если оно все так, то надо хотя бы понять, в какие дебри меня занесло. Федя так Федя, а то и вовсе Федор Ильич. Главное, не шибко палиться.

– Голова. – Я сощурился так, будто сжевал лимон. Актер из меня как из топора пловец, но уж как умею. – Помню, как ударился головой. Во время нападения.

На юной мордашке моей собеседницы проступало искреннее сострадание вперемешку с злостью. Застенчивая Майя гораздо была бы заслонить меня своим хрупким тельцем и яростно наказать всех, кто осмелился на него покушаться.

– Это пройдет. – В ее голосе прозвучала уверенность. – Тебе нужен будет день, чтобы немного подлечиться и прийти в себя. А Ибрагим Кондратьевич пока восстановит все документы на поступление. Ты пока отдыхай, Лиска о тебе позаботится. Только не позволяй ей слишком многого!

Девчонка наказующе подняла палец, а мне оставалось только согласиться с ее наставлением.

Она уходила медленно и неохотно, словно боялась еще одного покушения на мою персону. Что ж, ладно, она девочка хорошая, но вот только вряд ли и в самом деле купилась на мою сказочку про ушибленную голову. Нужно найти иную жертву для расспросов, чтобы понять, насколько шикарно мое положение.

Может быть, расспросить обо всем эту самую Алиску? Мне почему-то казалось, что эта фурии-горничная только и ждала момента, чтобы Майя ушла из дому. А сама вот-вот явится сунуть ко мне свой любопытный нос.

Удача сегодня оказалась на моей стороне. На подоконнике лежала газета – за 26 августа 1912 года. Я встал на ноги – пусть меня еще и пошатывало из стороны в сторону, но если верить рассказам Майи о моем ранении, то чудо что мне удалось покинуть кровать. Видать, лечили тут явно не фуфлюмицинами.

Выглянул в окно – ага, все ровно на 1912 год и выглядит. Не то чтобы я прям шибкий знаток истории, но примерно так в фильмах прошлое моей страны и изображали – а там уж всяко люди умные делали.

Взял газету, почувствовал себя старым пердуном: не хватает только булки с вареньем да чая в блюдечке. Так всегда мой дед садился...

«Петербургский вестник» был рад сообщить мне, что недавний визит австрийского дипломата прошел без особых происшествий, не то что в прошлый раз. Что там случилось, мне оставалось разве что только догадываться. А вот дальше все уже было куда как интересней: Царь и надежда, великий Император России Николай Второй учредил новую комиссию, на этот раз по проверке манатических производств. Журналист в беспокойной манере рассуждал, что открытое еще великим Инквизиториумом Ломоносовым влияние магических энергий на природу человека обходят должным вниманием и что, наконец-то, царь...

Магия.

Офигеть, в этом мире есть магия!

У меня аж подкорка мозга зачесалась – захотелось ее хоть одним глазком, но увидеть. Какая она тут, как выглядит, в чем заключается? Я искренне надеялся, что не только в умении швыряться огненными шарами да подогревать остывший чай...

Ладно, оставим восторги на потом. Ох, чую, что ждет меня еще немалая головная боль. Это только в сказках хорошо: попал – и на те на блюде все, чего только не пожелаешь! Мне еще можно сказать что повезло – хоть попал в тело человека, который со мной на одном языке говорит, но что делать с моим незнанием мира? Чую, ох чую, что читальный зал мне на неделе станет домом родным. А я ведь еще даже не знаю, кто я такой...

Зеркало с открывающимися дверцами спешило заверить меня, что я высокий, неплохо сложенный молодой человек. Вот это мышца – видать, бывший владелец этого тела не пиво по дворам распивал, а был знаком с атлетикой и немало времени посвящал тренировкам. Не зря, выходит, Майя краснела – было отчего. Да уж, главное, такое тело не испоганить – раз уж

судьба даровала мне второй шанс, буду соответствовать. И не обещать себе начать это делать с понедельника – потому что с понедельника ничего хорошего не начинают.

Парнишка был и краше, и моложе меня прежнего – в какую жопу ни крути, а везде плюсом выйдет!

Я вздрогнул, когда за спиной хлопнула дверь, обернулся.

Как и ожидалось, долго ждать лисичку не пришлось. Я смотрел, как игриво вилял ее пушистый хвостик при ходьбе. На подносе она принесла чай и печеньки. Я вглядывался, чтобы увидеть записку с предложением переходить на темную сторону, но его в этот раз не завезли.

Если Майя смотрела на меня с беспокойством и скрытым обожанием, то в глазах лисички бушевал какой-то детский азарт. Ей не терпелось освободить руки – и уже взять в них меня.

– Расскажи! – потребовала она, тут же оседлав ближайший стул, пожирая меня взглядом. – Как там было? Наверно, ух, потом ах!

Усидеть на одном месте для нее оказалось делом невыполнимым. Схватила за метлу, будто за меч, выставила перед собой. Наверно, если я буду молчать, она не выдержит и расскажет все за меня. Про таких, как она, говорят: не выросший впечатлительный ребенок.

Как раз то, что мне и нужно!

– Алиска, ты умеешь хранить секреты?

Она раскрыла рот – я произнес то слово, которое при ней лучше никогда не упоминать. Метла отправилась в угол, а лисичка уже стояла передо мной, обхватив мою ладонь руками.

– Секреты? Секреты! Расскажи! Умею! Ты же меня знаешь – я могила!

Да уж, хмыкнул я. Знаком с тобой едва ли час, но кажется, что уже знаю целую вечность. Надеюсь только, что твоя наивность – не напускная игривость, а всамделишная.

– Меня очень сильно ударили. Я... почти ничего не помню. Только по мелочам.

– Ам-не-зи-я! – Если и был способ взорвать девушку изнутри, то я только что его отыскал. Алиса, видать, будущая любительница бразильских сериалов и французских любовных романов.

– Можешь мне помочь? Я буду спрашивать – ты отвечай. У меня тогда в голове и прояснится. Вот Ибрагим Кондратьевич – кто он мне?

– Ну ты даешь, Федька! Это же твой мастер-слуга, как такое-то забыть можно? Он с нами тремя с пеленок возился!

– Это я тебя просто проверял, – сразу же нашелся. Алиска, кажется, приняла мои правила игры.

– Ну тогда вот тебе еще, хоть обпроверяйся! – Я так и не понял, чего в ее голосе прозвучало больше: обиды или злости? – Он старый солдат, две войны прошел. В крестьянах ходил у папеньки твоего, потом вот поверенным стал. Сначала папеньки твоего, теперь вот... твой.

– А Майя... мы же сейчас в ее... доме?

Называть таким простым словом «дом» особняк, в котором мы сейчас были, язык отказывался наотрез.

– Ну да, в поместье Тармаевых. Ты ж тут сто раз бывал, каждое лето. Тебя тут почти как родного любят! Мы с Майкой и тобой каких только вытворин не вытворяли, ну! Помнишь?

Кивнул ей в ответ, давя лыбу. Что ж, это уже хоть что-то.

– А сам я... Федор Ильич...

– Рысев. – Лисичка поспешила подсказать. На ее лице я заметил перемену – детский азарт начал сменяться то ли усталостью, то ли унынием. Видать, вопросы мои скучней уроков математики. Ничего, рыжая, потерпишь, зря, что ли, на мне, как на подушке, дрыхла?

– Твой род в опале у Императора после... ну ты знаешь, того самого случая. Вот тобой родители-то шибко и не светились. И...

Ибрагим вошел без стука, словно к себе домой. Я только теперь вспомнил, что по-прежнему как есть стою в исподнем.

Мастер-слуга окинул взглядом меня, неодобрительно посмотрел на Алиску. Та зарделась каким-то своим мыслям.

– Доброго утра, барин! – Мне он поклонился, Алиске же лишь приветственно кивнул. – Прошу прощения, но не могли бы вы, сударушка, оставить нас с барином наедине?

Глава 2

Алиса уходила, не скрывая обиды на вдруг явившегося старика. Ибрагим Кондратьевич был непоколебим к ее причудам. Стоило ей только захлопнуть за собой дверь, как он вытащил из кармана крохотных размеров сундучок. Едва ларец был открыт, как я услышал хлопок, вздрогнул. Хоть лисодевочка и сказала, что уж от кого-кого, а от мастера-слуги мне подлянок ждать не стоит, но бросаться с головой в бескрайнее доверие точно было бы глупостью.

Даже к человеку, что отстоял мою жизнь.

– Это для чего? – спросил я, напуская металла в свой голос. Старик обвел руками комнату, пальцем ткнул себе в ухо. Видать, для того чтобы нас никто не услышал, сразу же сообщил я. Полезная штука.

Нас окружило куполом. Мой слуга, будто извиняясь, пожал плечами.

– Не извольте сердчать, барин. Род Тармаевых хоть и завсегда к вам в теплых отношениях был, но безопасность – она того. Все под всевышним-то ходим, а он беречься велел!

За ночь, проведенную в доме Тармаевых, Ибрагим привел себя в порядок и гораздо меньше походил на ту грязную образину, которой был вчера. Воистину говорят, что теплая вода, расческа и чистая одежда творят настоящие чудеса.

Я лишь кивнул в ответ, мой слуга продолжил.

– Дела наши с вами, барин, хуже некуда. Сначала поместье спалили, а теперь вот еще и это...

Он выложил на стол брошку. Мне она не говорила ровным счетом ничего. А вот то, что мое поместье спалили как раз говорило и о многом! Выходит, мы с Кондратьичем самые что ни на есть настоящие бомжи, хоть и знатного роду!

Не дождавшись от меня положенной реакции, Ибрагим выдохнул.

– Неужто не узнаете, барин? Приглядитесь получшее-то, это ж брошь вашего кровника, Евсеева.

На броши был орнамент – скрещенные клинки поверх короны.

– Была у одного из вчерашних негодяев, – поспешил добавить Ибрагим.

Так, я уж не знаю, в каких отношениях с родней был тот, чье тело я занимаю, но насолить он, судя по всему, успел многим. Вон, по возрасту только нос соплывать перестал, а уже в опале у самого Императора. Я уже начал подумывать, что такое себе мне досталось попаданство: своего дома нет, родня точит ножи по мою шею, что дальше? Майя окажется от меня беременна?

Уж лучше в трусы к эльфийкам...

– У кого угодно могла быть такая брошь, – вступился я за кровника, высказав предположение. Захотелось укусить самого себя за язык – мне-то в моем положении молчать и слушать, по крайней мере, пока что, а я вместо этого вступаю в спор, не ведая о чем.

Ибрагим разве что не крякнул от моего предположения, но кивнул.

– Может, барин, может. Сама по себе вещь-то – так, пыль, ничего значительного. Да вот только обрезает нам все пути: просить помощи у Евсеевых я бы теперь не отважился. А документы наши вчерашние, бумаги-то, то самое, сгинули.

Ага, вот оно, значит, как. Просил хуже, так получи и распишись! Документы, надо думать, те самые, о которых Майя говорила, на поступление в офицерский корпус...

Словно прочитав мои мысли, Кондратьич упредел:

– Род Тармаевых тепло к вам относится, Федор Ильич, но, зная о вашем положении, они не станут рисковать своей репутацией. Просить за вас сейчас – нырнуть в ту же яму.

Мастер-слуга по всем показателям был расстроен нынешним положением дел, хоть и старался не подавать виду. Словно всего уже сказанного было мало, выдохнул.

– У нас нет денег, Федор Ильич. Теперь уже не важно, но в поместье-то ваше красный петух не просто так заглянул. Поджог, как есть поджог. Офицерский корпус – единственная надежда для вас сейчас заполучить надежную крышу над головой.

– И она сгинула вчера, когда на нас напали... – мрачно и в тон ему буркнул я.

– Как есть, барин. Ни дать ни взять. Куда ни ткнись, а всюду нечисть, не поутру проклятый помянут будет.

Ибрагим тут же перекрестился.

Ладно, в какую бы жопу жизнь нас ни загнала, а где-нибудь маленькая, но дырочка найдется. И если кто про эту дырочку и вызнал, так он, старый черт, сейчас сидит передо мной.

Спросил:

– Ибрагим Кондратьевич, так что же, пропадать теперь?

Старик мигом скинул с себя гнилой настрой, тут же подбоченился.

– Ишь ты! Пропадать! Едва носом сопливать перестал, а все туда же – пропадать! Никак не можно!

– Тогда я открыт к вашим предложениям.

Он выдохнул. Видать, предложение, сидевшее у него на языке, никак по нраву барской особе вроде меня прийтись не должно было.

– Можно к инквизиторам обратиться.

– К инквизиторам? – Я вспомнил, в газете же про них что-то писали. Старик мое недоумение понял по-своему, примиряюще поднял руки.

– Знаю, барин, знаю! Негоже люду, да твоего высокого роду, да по таким местам помощи выпрашивать. Но у них прямо точнехонько заполучить можно бумазею, что кровь ваша не водица. А стало быть, право имеете.

А без оной, я смекнул, видать, даже при слуге я лишь тварь дрожащая. Что ж, можно притащить магию, инквизитории и еще какую образину в мир альтернативной России, а вот вытащить из нее заразу бюрократии – задачка, сравнимая по сложности с непорочным зачатием. Вроде кто-то делал, даже получилось, но вот повторить...

– Это все?

– Можно попросить убежища у Тармаевых. – Старик обвел взглядом комнату, но, будто не доверяя даже куполу, склонился к самому столу и зашептал: – Оно, конечно, дело благородное, у них убежища-то просить. Документов не выправят, но хоть крыша над головой и не пустой стол будут. Но опасно...

Спросить, почему просить у родителей Майи я буду именно убежища, а не помощи, и чем оно опасно, я не успел. Ответ сам вломился в нашу комнату в виде черного, отдаленно похожего на человека существа. В том месте, где у всех людей глаза, у него горели круглые, на выкате, буркала. Все тело непрошенного гостя пылало голубым огнем – не иначе как ему часто предлагали гореть синим пламенем.

Рта я не видел, но оно издавало жутковатые, мычащие, тревожные стоны.

Купол, скрывавший наш с Кондратьичем разговор от чужих ушей, лопнул, как мыльный пузырь. Мастер-слуга тотчас же встал между мной и этой образиной, загородил ошалевшего меня руками.

– Назад, барин! Назад! – Старик сунул руку под камзол – так вот где он прятал свой кортик! Я готов был заверить Кондратьича, что назад – это в самом деле не так уж и плохо, а перед лицом таких фокусов вперед решится разве что отчаянный дурак.

Ибрагим, кажется, таким и был. Оружие зло и красиво блеснуло в его руках. Не мешкая, он подскочил к твари, пригнулся, уходя хоть и от неловкого, но быстрого удара. Прوماхнувшаяся клякса на ножках получила добрых четверть метра стали в брюхо. Кондратьич, проколов

вражину, тут же отскочил, попятился – из свежей раны полыхнуло огнем. Сделав пару нелепых шагов, слабея с каждой секундой, тварь хлюпнула, заваливаясь на пол. Пожар ее жизни, словно его кто залил водой, тут же затух.

Я часто заморгал глазами. Проклятое наваждение родом из вчера вновь вернулось по мою душу. Теперь оно изо всех сил убеждало меня в том, что передо мной лежит гомункул. Я пробежался взглядом и по другим строкам.

Гомункул, класс: Призванное существо.

Статус: мертв.

Карты способностей: Ожог ненавистью, Шипастые лапы.

Я облизнул высохшие губы. Все было будто в излишне сверхреалистичной компьютерной игрушке. Вдруг поймал себя на мысли, что подсознательно ищу мышь: покликать по другим возможно открывающимся вкладкам.

– Не время рот разевать, барин! – с напором пророкотал Ибрагим, схватив меня за руку и подтащив к окну.

По ту сторону творилось страшное. Десятки мохноногих паукообразных тварей заполнили маленький сад поместья. Желтый туман обступал нас со всех сторон, скрывая напавших на Тармаевых. Не знаю как, но мне удалось разглядеть смутные очертания затянутых в холщовые плащи фигур. Это не люди, понял я, разве у людей бывают такие по-птичье длинные носы?

Текст был со мной согласен: какие же это люди, когда это алхимики?

Ибрагим грязно выругался, повернулся ко мне. Лицо его в одночасье посерело от ужаса.

– Менделеевы, – прошептал он мне. – Ох, скурвецы, решили забрать все-таки! Если б я знал, что сегодня...

Он схватил самого себя за голову, не спеша объяснять.

– Если у них дело к Тармаевым, то мы тут при чем?

Я ощутил себя последним трусом после этих слов.

– Ох, барин! Да разве ж они спрашивать будут? Они резать будут! – Он облизнул губы. Я видел, как над головой несчастного веет значок паники, медленно, но верно скидывающийся по кулдауну. – Уходить надо, барин. Сейчас.

Он кивнул в сторону двери.

Дверь по какому-то недоразумению оказалась заперта. Неужели Алиска преисполнилась в своей обиде настолько, что решила закрыть нас на ключ?

Я решил, что поинтересуюсь этим как-нибудь потом.

Вместе мы навалились на дверь – дуб из российских чащ разве что затрещал от наших потуг, но не поддался. Не поддался он и на второй, и на третий раз.

Один из пауков показался в оконном проеме, запрыгнул внутрь – на нас уставились четыре пары изучающих глаз. Как будто переросток раздумывал – мы уже еда или еще пока не еда?

Я нырнул в сторону, схватил со стола увесистый подсвечник. Страх, что еще пару минут назад заставлял меня разве что тяжело пыхтеть да прятаться за спиной мастер-слуги, будто корова языком слизнула. Сам не знаю, что на меня нашло, но оно мне определенно нравилось.

Моя причуда обозвала поганца химой. Карты способности я рассматривать не стал – было не до них. А вот в характеристики хотелось глянуть хоть глазком: мне вспомнилось, как вчера над Ибрагимом видел и тень старой раны, и усталость со старостью...

Паук решил, что оставит старика напоследок. Мне казалось, я слышу, как скрипят его мерзкие жвала. Издав противный писк, он подобрался, подтянул брюшко – оттуда в меня прыснуло белой гадкой паутиной. Мерзкой жижей она плюхнулась в стену – прямо рядом с Ибрагимом. Кондратьич и глазом не моргнул, продолжил штурмовать треклятую дверь.

Я в один миг оказался над пауком, попытался растоптать его ногой – но тот ловко отскочил прочь, зашипел. С клиновидных жвал закапало – то ли яд, то ли еще какая дрянь. Паук подбирался для следующего выстрела паутиной: такой возможности я ему не дам.

Подсвечник с хлопанием опустился в хрустящий хитин тулова, в лицо мне брызнуло теплым и влажным. В иное время меня бы уже вывернуло на изнанку, а тут – плевать!

Словно ошалелый, я раз за разом опускал свое импровизированное оружие, обращая тушку несчастного в кровавую кашу. Ну, кто у вас там заваялся еще? Комар-великан, таракан-недоросток? Всех убью, один останусь!

У меня в голове тут же пикинуло: получено 25 ед. опыта!

Знать бы еще только, где оно и как применимо. Взял с себя слово, что как только это все закончится, я калеными клещами всю правду из моего слуги вытащу! А то хожу, как вслепую...

Дверь, наконец, решила, что играть из себя неприступную даму ей не к лицу. Лакированная древесина пошла трещинами, в месте, где держался замок, вылез мох деревянных опилок. Бывший вояка, а ныне мой поверенный окончательно высадил дверь пинком.

Я выкатился за ним едва ли не кубарем, и в тот же миг на меня со спины накинута человек. Мастер-слуга успел только выругаться, разом оборачиваясь мне на подмогу, но она мне и не потребовалась. Я ударил головой назад – затылок тут же обожгло болью. А позади послышался хруст и вскрик моего противника. Еще не спеша разжать свои неприветливые объятия, он врезался вместе со мной в ближайшую стену – один за другим нам на головы посыпались предметы декоративной посуды. Покосилась, грозя в любой момент рухнуть наземь, деревянная рамка, загрохотала лежащая внутри нее палка.

Я напряг мышцы, рывком возвращая себе свободу. Противник сделал несколько шагов назад – собственная безоружность вдруг показалась ему горькой кончиной, едва он завидел блестящее острие кортика в руках Кондратьича. Я почти чувствовал, что он сглотнул, неуверенно попятившись. Его руки загуляли по поясу в поисках хоть какого оружия, и тогда я прыгнул. Обе моих ноги нещадно ткнули его в грудь, отшвырнули прочь – взмахнув руками, он врезался в ту самую рамку, обрушившись вместе с ней наземь. Пока лежащий на земле противник еще только приходил в себя, я схватился за обломок тарелки, будто ножом полоснул мерзавца по горлу.

Передо мной вновь побежали надписи, сообщая, какой я все-таки молодец, а потому вот мне в награду охапка опыта.

Мертв, подсказали мне строки состояния противника, будто я и так не знал. Но вот едва взгляд коснулся выкатившегося жезла, как тот тут же был обозначен используемым предметом. Магическим, содержал в себе ровно три заряда огненной волны.

– Да идем же, барин, идем! – Кондратьич неумолимо пытался вытащить меня из нахлынувшего ступора.

– Предмет. Магический. – Словно глупому, я указал ему на жезл в руках. Старик раздраженно кивнул, не веря ни единому моему слову. – Ибрагим, ты можешь толком объяснить, что происходит?

А происходило и в самом деле нечто. Вооруженные метлами горничные нещадно избивали подобравшуюся к ним волну пауков. Не как я, но тоже неплохо. Из предметов уборки метлы в их руках обратились в самое настоящее оружие. Из древесных рукоятей показались клинки, в шипастой дубине не без труда можно было признать нечто похожее на швабру. Боюсь даже представить, что у них там в вениках с совками прячется. По пулемету?

– Менделеевы напали, барин! У них с Тармаевыми старая вражда, ужель ты не знал? Тармаевы у себя Колду Бхезумств держат уж сколько я себя знаю. Алхимики на нее слюнки пускали и всячески заполучить хотели!

Вот, стало быть, почему Ибрагим мне про опасность говорил. Знал ведь, старый черт, что так могло быть, а все равно сюда притащил.

Как будто, упрекнула меня совесть, у него был какой иной выбор. Скажи спасибо, поклонись в ножки и не булькай. Да я и не булькаю!

Из коридора мы рванули в обеденную залу – заставленная большим столом, она хвасталась чистотой занавесок и белой скатертью. Но желтый туман, который вряд ли нес с собой хоть что-то хорошее, едким дымом повалил из ближайшей двери. Кондратьич выругался – и как же я его хорошо понимал! Нам будто кто нарочно отрезал любой путь к отступлению. Мы сунулись в галерею, что справа, но две невесты откуда взявшиеся фигуры в плащах поджидали нас с обнаженными клинками. Драться с ними одним кортиком? Не зная, сколько их тут на самом деле? Нет уж, увольте! Я взвесил в руках жезл, но тут же понял, что он слишком короткий, а мне придется бить едва ли не вплотную. Они прирежут меня, будто свинью, даже взвизгнуть не дадут.

Что говорите? Огненная волна? Обрушить на них мощь магии? Знать бы еще только, как это осуществить...

Бежать было пока что единственным выходом.

Опыт старого вояки был того же мнения. Резко затормозив, едва не споткнувшись, Ибрагим резко развернулся, схватил меня за грудки, потащил за собой. Не желая гнаться за нами, алхимики напустили своего тумана – я отчетливо видел, как шланги, торчавшие из их горбов, изрыгали эту мерзкую дрянь, словно дихлофос. К носу подбиралась едкая, жгучая вонь – те из горничных, кому не посчастливилось вдохнуть, заходились жутким кашлем, теряли волю к сопротивлению и становились легкой добычей.

Я отчаянно желал, чтобы Алиске посчастливилось избежать их участи.

– Разве так можно? – теряя на ходу дыхание, спрашивал я. – А как же законы? Как же...

– Да ты нешто с луны свалился, барин? У Менделеевых и право выиграно, и сам Император им благоволит. По што им законы?

За нами вдруг захлопнулась дверь. Я не видел, но точно знал, что Ибрагим широко раскрыл глаза, то ли от испуга, то ли от удивления.

И попятился.

Через мгновение последовал его примеру. Не последуешь тут, как же!

Сейчас на нас смотрел самый настоящий, не прикрытый ничем ужас...

Глава 3

Ужас смотрел на нас, мы смотрели на ужас. Веселые погляделки не обещали закончиться ничем хорошим. Я осторожно подергал ручку двери за спиной в надежде, что она поддастся и выпустит нас с Ибрагимом. Ага, сейчас! Разбежалась об запор.

Голос инопланетянина в моей голове сообщил, что it's a trap! И должен признать – это всем трэпам трэп. Трэповее просто не сыскать.

Перед нами копошилась самая настоящая волна из живых крыс. Мерзкие, с лоснящейся серой шкурой, лысыми хвостами, они громоздились друг на дружке. Желтые резцы противно блестели – еще не решаясь, что с нами делать, хвостатые готовы были пустить их в ход.

– Вот и все, барин... – хриплым голосом произнес у меня за спиной Кондратьич и сглотнул. – Приплыли.

Я смотрел на поселившийся в моей руке огненный заряд. Резная палка, навершие из хрусталя. Не требует маны, гласили плывущие перед глазами надписи. Понять бы еще, как эту шнягу использовать и какой она мощности. Не хотелось бы сгореть ко всем чертям вместе с этими поганками.

Ибрагим неспешно вытащил из ножен кортик, выходя вперед, желая заслонить меня своим телом. Несмотря на кипевшую внутри него помесь храбрости с мужеством, выглядел он забавно. Что он сделает этой ковырялкой? Насадит парочку хвостатых, как на шампур, прежде чем они сгрызут его до самых костей? Память почему-то отчетливо и во всех подробностях

вспоминала наставления биологички – мол, укус крысы, помимо того что заразен, так еще и крайне болезнен.

Крохотные бусинки глаз сверлили нас с Кондратьичем, будто ожидая, когда мы сделаем неловкое, неосторожное движение, чтобы наброситься на нас единым неостановимым потоком.

Строки, что до сего момента служили мне верой и правдой, сейчас решили самым наглým образом соврать. Иначе как объяснить, что они решили, будто передо мной не свора пищащих паразитов, а алхимик?

Алхимик Катя Менделеева.

Словно по щелчку пальца, крысиная куча-мала разошлась, выпуская из себя хозяйку. Я разинул рот от удивления – на живой массе ворочающихся, перебирающих мелкими лапками, чешущих собственные носы паразиток восседала затянута в кожу девица. Точеная фигурка, сапоги на каблуках, куртка. Лицо пряталось за резной маской, скрывавшей все лицо. Длинные белые, выжженные химией волосы водопадом струились по плечам. Крупной, не меньше третьего размера груди было до жуткого тесно в обтягивающей куртке. Раскачивалась из стороны в сторону скрученная, притороченная к поясу плеть.

– Барин тебе не треба! – вдруг выкрикнул Ибрагим, выйдя вперед, положив растопыренную пятерню мне на грудь в надежде отодвинуть назад. Мне же до страшного не хотелось стоять в стороне, пока старик принимает на себя весь удар.

– Да как ты посмел, простолюдин? – Казалось, что девчонка вот-вот готова взорваться, возмущенная наглостью старика. Плеть в одно мгновение оказалась в ее руках, свистяще впрола воздух, с щелчком оплелась вокруг шеи моего мастер-слуги. Резкий рывок заставил его рухнуть на колени.

Я подхватил выроненный им клинок, рубанул наотмашь, даруя ему свободу, оскалился, сжав кулаки, глядя на противницу снизу вверх

– Так-так... Рысев. – Она закинула ногу на ногу, будто немного успокаиваясь.

Ее плеть на миг утонула в сером потоке, чтобы через мгновение вернуться целой. Крысы ползали по ее ногам, гордо восседали на плечах, карябали лапками по стройному, плоскому животу. Трех самых крупных, будто любимых котят, она поглаживала, словно в раздумьях над нашей судьбой. Те отвечали на ее ласку благодарным пискom.

– Вижу, у тебя наконец-то появилось кое-что между ног. А может быть, это просто случайность? – Мне на миг показалось, что я услышал в ее вопросе насмешку. Словно пава, медленно поднявшись, она спускалась.

Ее спускали.

Крысы перед нами обозначались как магический щит. Тип: биологический, способен выдержать...

Дальше не читал. Любительница химии, едва каблуки коснулись пола, вновь схватилась за плеть.

– Я отделаю тебя, словно жалкую собачонку!

Она взмахнула своим оружием: щелкнув в воздухе, оно обещало мне немало проблем. Словно вмиг ожившая змея, она метнулась в мою сторону, а я испытал знакомый с самого детства страх. Глядя на коров, коих пастухи подгоняли кнутом, я всякий раз представлял удар, что оставляет на коже жгучий, набухающий алым рубец. Все тело взрывается болью и стонет, стонет, стонет, заставляя упасть на колени.

Первый раз щелкнул у меня над самым ухом, второй замах ушел в молоко, когда я отскочил. Она целилась мне в лодыжку. Змеей зашипела от возмущения. Словно по ее мнению я попросту должен был стоять и ждать, когда она исхлещет меня до смерти.

– Ты будешь молить о пощаде! Будешь ползать у меня под ногами, лизать мне сапоги, скажешь все, что я только пожелаю услышать!

Я не понимал, о чем она говорит. Оставалось только догадываться, что тот, чье тело я сейчас занимаю, чем-то изрядно досадил этой барышне. Уверен, Ибрагим знал ответ и на этот вопрос, но спрашивать его об этом сейчас было глупо.

Я метнулся к ней в резкой, самоубийственной атаке. Крысы, едва почуяв опасность для своей хозяйки, рывком бросились мне под ноги. Я чуял, что еще шаг – и они запрыгнут на меня. Закусил губу, отчаянно молясь, чтобы пришедшая в голову мысль не оказалась простой глупостью и сработала.

Не оказалась. Сработала.

Я представил, как таящийся внутри жезла огонь ищет выход. Словно по дивному лабиринту, он бежит, ища выхода – нужно только помочь ему, направить, подсказать...

Жезл в моих руках завибрировал, будто в тщетных надеждах вырваться. Пламя, что он исторг из себя, пахнуло жаром мне в лицо, облизнуло глаза, волосы и губы, спеша укунить за щеки, оставить без бровей.

Менделеева испуганно вскрикнула. Я видел, как сквозь толщу линз ее глаза блеснули от неуверенности, расширились от удивления. Защищаясь, она закрылась руками – крысиный же щит поспешил заслонить ее богатством крысиных туш.

В воздухе тут же завоняло гнилым, пережаренным мясом. Пламя вскружилось, зашло вихрем, гуляя по мохнатым спинам. Вереща и пытаюсь бежать, мелкие паразитки поджигали своих еще не познавших кусачего огня товаров.

Словно заправский эскулап, едва придя в себя, Менделеева отсекала от своего щита уже обреченных особей. Твердая серая полоска с цифрами разом похудела едва ли не на треть.

Я продолжил развивать успех. Жар на миг заставил меня отступить, но едва я увидел результат, как вновь ринулся вперед. Мне казалось, что будет просто. Полоснуть мерзавку по груди, ударить коленом в живот. Схватить за волосы, хорошенько встряхнуть и добить четким ударом в солнечное сплетение.

Ага, как же!

Алхимичка, будто взбешенная, ударила плетью крест-накрест, а мое новое тело, наконец, познало, что бывает от удара плети.

Желание сопротивляться резко улетучилось. Первый ее взмах выбил у меня из рук кортик – рука обратилась в непослушную макаронину. Здравый смысл криком кричал, что сломана кость. Второй удар не дал опомниться, вспорол рубаху на груди, обжег, оставил широкую полосу рубца.

Не в силах устоять на ногах, я нелепо сделал несколько шагов, прежде чем споткнулся и упал. Кондратьевич, уже успевший встать, бросился ко мне, но остановился, едва плетью снова заговорила на языке угроз. Щелкнув у него перед носом, Екатерина зло и недобро сверкала глазами, обещая, что еще один шаг будет стоить ему ушей, а может быть, и глаз. На многое ли способен даже опытный солдат, если лишит его ока? А если двух сразу?

Не ведавший страха Кондратьич остановился, поднимая руки в успокаивающем жесте. Я знал, что он поборет свою нерешительность за долю секунды, что его взгляд бежит по юной госпоже, выискивая и выжидая тот самый момент, когда можно будет напасть. Ожидание злыми чертами грызло его изнутри.

– Я же обещала, что ты будешь у моих ног. – Она хохотнула, сделав пару шагов ко мне.

Пока я барахтался, пытаюсь справиться с болью, она пинком лишила меня моей палки-стрелялки. Ее питомцы гадким отродьем заскакали рядом. Словно победительницы, они норovali заскочить мне на спину, на руки, вцепиться в ноги. Я чуял себя Гулливером, которого со всех сторон обступили лилипуты.

– А теперь давай. – Она щелкнула плетью по полу, потянув ко мне носок сапога. – Вылизывай, червь!

Я поднял на нее полный ненависти взгляд – величественной великаншей она возвышалась надо мной. Ей нравилось, что я беззащитен, что не могу сопротивляться, а она, в свою очередь, может сделать со мной все, что только пожелает. Я увидел, что ее тут же посетило крайнее возбуждение: девчонка явно и давно мечтала заполучить в руки послушную игрушку. И не какую-нибудь, а из хоть сколько-то, но знатного рода.

Словно невзначай, пробежался взглядом по особенностям – тут в самую пору было пристыгнуть.

Девчонка-то попалась с тем еще приветом. Во главе всего характера на резном троне восседал садизм. Где-то жалкими остатками в дальних углах ютилось сострадание. А вот мазохизм казался уже какой-то крайностью. Ей хотелось унижать, но при том быть униженной?

Интерес-ная помесь...

– Ты меня не слышал? – Она ярилась с каждой секундой моего промедления. В ее голове бурлили обещания жутких угроз, что она спешила вылить мне на уши. – Я смешаю особый состав, лично для тебя, Рысев. Уменьшу тебя до размеров таракана, и ты будешь до конца жизни развлекать меня, тужась под моим каблуком. Я...

Договорить я ей не дал. Резко подняв голову, собравшись с силами, ударил резким рывком в живот.

Леди доминатрикс, еще парой мгновений назад желавшая сотворить со мной всякое, вдруг охнула, хватая ртом воздух, резко попятилась под прикрытие своих соратниц. Ну уж нет, подумал я, перекатившись, сбрасывая с себя оседлавших мою спину крыс, хватая магический артефакт.

В голову почему-то лезли сравнения с отважным детективом, что, выкатившись из-за своего рабочего стола, стреляет по нападшим на него бандитам.

Бандиты сегодня оказались теми еще крысами. Еще один поток жидкого огня вырвался, кусая ее импровизированную защиту, вырывая из нее живые клочья, обнажая руки, бока. Бедро.

Словно обезумевшая, она снова схватилась за плетень в тщетном желании достать меня даже сквозь бушующее пламя. Хлыст сторел сразу же, как только она попыталась ударить меня по руке.

Я мигом оказался на ногах, вновь бросившись на нее всем телом. Врезался, сметая на пол. Окружавшие ее остатки живой брони разрозненными клочьями падали наземь, в ужасе спешили прочь. Как глупо, подумалось мне, нападать с чем-то подобным на дом, магия которого целиком и полностью состоит из огненных заклятий.

Из ее уст полилась грязная, достойная портового грузчика брань. Я из распоследнего мудака с ее слов спешил обратиться уродом, дрянью и мерзотой прямо тут и поочередно.

Я пощечиной смел с ее лица маску – та небрежно заскакала вслед за убегающими мохнатыми тварями. На лице застыли страх и ужас, видать, впервые Рысев сумел ей дать какой-то достойный отпор. Неужели до того, как я попал в его тело, ему приходилось...

Не думать, велел себе я. Не думать, ибо от этой поганки стоило ожидать любой гадости. Вознеся над собой жезл, перехватив его поудобней, я вдруг сунул его ей в рот.

– Лизать, говоришь? А может, это тебе стоит... пососать? – Забывшись всего на мгновение, я начал приводить последний заряд заклинания в действие.

Ибрагим наскочил на меня, словно обезьяна. Старик, будто решив сменить сторону, ударил меня по лицу – не сильно, но ощутимо. Вырвал готовый наполнить нутро Менделеевой самым настоящим огнем жезл у меня из рук, направил его в окно.

Пламя вырвалось на полпути, обдав жаром старика. Вскрикнула сжавшаяся, разом ставшая меньше Екатерина. Пламя оказалось к ней беспощадно, решив сожрать верхнюю часть штанов, куртку и рубаху. Вывалились, будто напоказ, налитые, красивой формы груди.

Я утер щеку, качая головой из стороны в сторону. Бросил вопросительный взгляд на старика, а тот будто бы и рад был объясниться.

– Это же Менделеевых дочь, барин, ты что вытворяешь? – Он хрипел, зло шевеля усами. А я чуял себя мальчишкой, которого отчитывает в меру строгий отец, и улавливал правоту каждого его слова. – Мало по наши плечи тех тяжб, что уже есть, так с Менделеевыми еще искать ссоры? Раздень, ударь – они проглотят, но убийства не простят никогда!

Качнул головой, прогоняя наваждение. И чего я, в самом деле, хотел добиться тем, что убью ее? Любительница химии желала укрыться от меня. Ее испуганный взгляд и тяжелое дыхание были красноречивей любых слов. Вдруг, поймав ноги Кондратьича в захват ножницами, она повалила его наземь, собираясь бежать.

Старик еще до того, как оказался на полу, сорвал с пояса ждавший своего часа цилиндр. Молнией тот рухнул ей под ноги, загрохотал по полу, прежде чем раздался щелчок.

Моему взору предстала одна из самых прекраснейших картин, какие мне только довелось видеть. Вонзившись в деревянный потолок, бур опутал девчонку с ног до головы плотной, хорошо сплетенной сетью. Сквозь ячейки вываливалась грудь, веревки впивались в кожу, будто нарочно выделяя отдельные части ее тела. Треугольник промежности хвастался гладко выбритым лобком.

– Мерзавец! Подлец! Паскуда! – Она продолжала череду все новых и новых оскорблений, когда я не спеша подошел к ней.

– Не убежит теперь. Не предупредит остальных, – будто оправдываясь, пояснял мне старик, шмыгая носом. Качнул головой из стороны в сторону, оценивая немалые достоинства Катки, но сказать хоть слово не посмел. Я же решил, что можно с ней немного поиграть.

– Не трожь! Не смей! Только... не там... пожалуйста...

Былой напор спал, едва она поняла, что я не собираюсь останавливаться. Ухмыльнувшись. Я выхватил перо из чудом уцелевшего во всеобщем пожарище чучела жар-птицы, провел им по пальцу. Сейчас посмотрим, боится ли наша извращенка щекотки.

Она стискивала тугие прутья сети, сладко застонала еще до того, как я коснулся ее заветного места пером. От одного уже предвкушения девчонка успела взмокнуть. Она постоянно вздрагивала, желая ласок и нежности. Девица едва не взорвалась, когда я осторожно, будто кистью, едва касаясь, провел по незащищенной коже. На пол упало несколько прозрачных капель. Я огладил ее правую грудь, щипая и разминая холмистый бугорок. Закатив глаза, Катка принялась грызть собственные губы.

– Не-ет... еще. Пожалуйста, Рысев. Еще! – Она застонала сразу же, как только я перестал, едва ее возбудив.

Ибрагим потерял задривок, опустил голову, будто не зная, как относится к подобной шалости своего господина.

Стыд и возбуждение красили щеки Кати алым. Расслабившись, она желала только одного – чтобы я не останавливался.

– Лучше расскажи, что вы тут делали. А не то я тебя накажу. Как плохую девочку.

С размаху я залепил ей по ягодицам – те отозвались звонким, смачным хлопком. Хотелось держать ее всей пятерней. Девчонкино тело жаждало моих рук, как никакое другое – и это ее-то я собирался спалить? Ее не палить надо, ее надо любить – долго, старательно, не забывая показывать, кто тут главный.

– Ис! Искали! – Она задрожала от переполнявшего ее возбуждения.

– Не меня ли, часом?

Перо из моих рук кануло в небытие, а вот пальцы нежно касались ее взмокшей киски. Вспоминая бурную юность, массировал ей клитор, двумя пальцами проник внутрь – Катка не спешила отвечать, и пришлось влечь ей еще раз по круглой, сочной заднице.

Она как будто бы только этого и ждала, выдохнула.

– Н-нет. Я н-не знаю, зачем мы... пришли. Я...

Она вдруг покраснела, как маков цвет, тяжело и часто задышав. Золотистые капли пота побежали по красивому, обнаженному телу – я едва давил в себе желание вырвать ее из плена этих сетей и присвоить, как законную добычу. С отяжкой отвесил вытянувшегося соску шелбан, слушал полные страсти выдохи. Ей не больно, ей нравилось, но гордость мешала признаться в том, что она сейчас готова вся растаять в моих руках.

– Я... пришла за тобой... а ты вон... такой... какой... ах! – Все ее тело вдруг задрожало, будто сжимаемое спазмами. Сладко зажмурившись, она вдруг обмякла, и я понял, что больше ничего нового она мне не скажет.

– Идем, – оглянувшись через плечо, бросил Кондратьичу, наклоняясь и поднимая маску Катьки. Ей она ни к чему, а нам может очень даже пригодиться. Вторая и запасная нашлась в сумке – протянул ее Ибрагиму прямо на ходу.

Старик крякнул, боясь произнести хоть слово, но маску взял, тут же примерил. Она была ему маловата, но я был уверен, что от желтой дряни она его защитит.

Как и меня.

Свора крыс, притаившаяся в углах и под шкафами, смотрела на нас, провожая взглядами. Мне казалось, что они нападут, ударят в спину – разве можно чего-то иного ждать от крыс? Мы бежали с Кондратьичем, будто позабыв обо всем на свете. Я обернулся, ожидая увидеть опасность.

Но позади были коридор, небольшая гостевая, всеми покинутая зала, а мы еще живы.

Я пихнул старика в ближайшую комнату, захлопнул резную дверь. Вдруг ощутил, как меня будто оставили все силы разом. И к чему только на глаза попала широкая, роскошная кровать, прикрытая балдахином с рюшками? Дойти до нее и рухнуть в мягкие объятия одеял стало задачей номер один.

Кондратьич чертыхался так, что бесово войско могло обываться. Плюхнулся на стул у самой двери, случайно смахнул со стола вазу – та не выдержала встречи с полом, разбилась.

– Ох, барин, всякого нечистого я на своем веку повидал, но такой вот мерзости...

Я был согласен. Броня из живых крыс? Мерзопакостней и не придумать!

– А ловко ты с девкой-то. Батюшка твой, да и я признаться, думали, что ты в этом деле тюфяк. Мнешься, краснеешь, боишься подойти – а ты эвано как ладно справил!

Его похвала показалась мне до безобразия приятной и...

Ладно, с этим потом решим, надо убираться отсюда. Натянем маски на рожи. Если эти любители команды «газы» нам встретятся, так я скажу, что взял пленника. В кино оно так точно всегда срабатывает.

Встал с такой неохотой, будто на работу в субботу, и вдруг осознал, что со стен на меня смотрит Майя. На портрете художник решил наградить ее надменным взглядом, вздорно поднятым носиком и чуть прикрытыми глазами.

И снял очки.

Без очков ей точно хуже.

На второй картине была изображена Майя-малютка – такой она была лет десять назад. Стояла в обнимку с маленькой, задорной Алиской. Из-за их спин выглядывала голова насупившегося на весь мир мальчишки. Я, что ли?

Теперь я видел плеяды плюшевых медведей и зайцев, гордо восседающих на книжных полках. На столе небрежно валялся учебник французского, под ним – тоненькая книжица женского романа.

Рука вдруг наткнулась на утонувшую посреди подушек и одеял тетрадь. Дневник – гордо гласила узорно выведенная надпись на обложке, и этим было все сказано.

Мы были в святая святых.

Личной комнате Майи...

Глава 4

Мамы с самого детства учат нас, что воровать, врать, драться и читать чужие дневники с письмами нехорошо, и мы согласно киваем, признавая их правоту.

Нехорошо.

Но что делать, если по-другому не получается?

Грешно, сказал я самому себе, перелистывая первую страницу, но мы обязательно как-нибудь потом покаемся. Ибрагим бросил на меня то ли осуждающий, то ли вопросительный взгляд.

– Барин, бежать надоть, пока Менделеевы-то не того этого и ага! – своеобразно выразился он, вставая со стула. У него-то гораздо лучше, чем у меня получилось – и где только старик столько сил брал?

– Цыц! – велел, углубляясь в чтение. Что планировал вычитать, и сам не знал. Информацию, любые крохи которой мне могли бы пригодиться. Спросите, почему я не забрал дневник, чтобы прочитать его в безопасном месте?

Хороший вопрос, хотел бы я сам знать на него ответ. Как будто никто из нас никогда не делал глупостей...

Детские годы волновали меня мало, я пролистывал их почти не глядя. Но пару моментов все-таки выхватил – Федечка, как звала меня в своих записях Майя, ездил вместе с ней в Крым. Где она слегла от жуткой простуды, а я сам готовил ей чай и приносил в постель. Второе – наше общее знакомство с лиской-Алиской. Рыжеволосая девчонка утащила у Майи кошелек, мне умудрилась задать хорошую трепку, но была поймана слугами.

Интересно, но пока неважно.

Сопливую юность почти не смотрел, хотя интуиция подсказывала, что там-то самый сок!

С возрастом у черноволосой красавицы менялся почерк и мысли. Легкость первых страниц, написанных в восемь лет, сгинула в серьезности совершеннолетия. Майя планировала жизнь, доверяя самое сокровенное лишь дневнику. Что политика боярских родов с их дуэлями, правом на вторжение, соревнованием за власть при дворе ей чужда. Вместо грязи интриг девчонка жаждала приключений. Все еще в сопливой манере, но уже не так наивно, как раньше.

Магия, пробудившаяся в ней годам к двенадцати, соответствовала роду и была связана с огнем. Воу, а девчонка-то горяча не только внешне. Знать бы еще, в чем эта ее магия проявляется. Уметь пердеть огнем – уже не так круто...

Я прикусил себе язык. Вспомнил, как желал увидеть магию, а Менделеевы и рады были показать. Благодарю покорно, можно было бы и обойтись...

Ага, а вот и то, что уже горячее. Колба Безумств. Я глянул на Ибрагима, что в просторечии своим обозвал ее кодлой, и отрицательно покачал головой.

– Ибрагим, – вдруг заговорил я. – Колба, из-за которой весь сыр-бор... что она дает? Что это?

– Як что, барин? Абы ты не знаешь? Да то же самое, что и Шпага первого чемпиона да Кошкино кольцо, будь оно не в ладах!

Мастер-слуга в сердцах плюнул, а я закусил губу. Ладно, если верить записям Майи, то по преданиям биси, что у сибирских горняков в соседях, однажды смешали талант и усердие, а получилось безумие. А так как удержать подобное можно только в чем-то безупречном, то ограничили особую алмазную колбу.

Абракадабра какая-то. Пока я понял только то, что ничего не понял. А вот Кондратыч разошелся – глаза слезами вдруг заблестели. Не иначе как на полезные знания сейчас расщедрится.

– Кабы не кольцо то треклятушее, что вашему батюшке доверено было Инператором, так, может, и не в опале бы сейчас были.

– Что? – вырвалось у меня. Ибрагим вмиг сбросил с себя налет сентиментальности и недоверчиво прищурился: а чего это барин – и не знает, как и кто его в такую жопу затолкал. Я прочистил горло – надо было выкручиваться. Скорчил полную праведного гнева морщину.

– Разве можно говорить про то, что доверено Императором, что оно... треклятое?

Кажется, сработало. Ибрагим принялся оправдываться, а я махнул на него рукой.

– Лучше скажи, что в ней, этой Колбе, такого особенного?

– Да биси ее знают, барин! Вот кольцо – с ним-то оно все сразу и понятно. Кто им владеет, почитай, ключ в тонкий мир заполучил. Як кошки – надел, и нечистого хоть за рога лови, зря оно, что ли, кошачьим кличется?

Я кивнул, продолжив чтение. Такой тяги к знаниям я не испытывал уже давненько. Будь жива моя классуха, и явился она сюда, так вся бы и расцвела от удивления.

Колба таила в себе таинство, а вот какое – девчонка не ведала. Я облизнул губы: Катьку бы сюда. Еще немного ей сиськи помять – так она бы все и рассказала.

Ибрагим продолжил.

– Пришли с конхмиссией, а кольца и след простыл. Батюшку вашего, Илью Рысева, под арест да на каторгу – как шпиона. А там и недели не прошло, как сгинул.

Я потерял подбородок. Раз уж за эти игрушки такая грызня идет, значит, они совсем не игрушки. Майя доверила дневнику свой страх – что когда-нибудь род Менделеевых явится, дабы отобрать артефакт силой. Тут, бесспорно, боялась она не зря. Менделеевы вместе с колбой получали большую власть, могли вытеснить Тармаевых с политической арены.

Прочитав следующее предложение, я заскрипел зубами. Майя считала, что за кражей Кошачьего кольца стояли тоже они.

– Ибрагим. Мой кровник...

– Евсеевы, – сразу же подсказал старик, я кивнул.

– Верно, Евсеевы. У них есть какие-нибудь связи с родом Менделеевых?

– Да ты шутишь, нечай, барин? Они ж у них в данниках ходят. Что прикажут, то и делают.

Начало немного проясняется. «Не мое дело» норовило в любую секунду обернуться не просто моим, а до безобразного личным. Хладный разум велел не рубить с плеча. Да, Тармаевы тебя приютили, и Майя очень даже ничего, в особенности вместе с Алиской, но ты уверен, что она говорит правду?

Я не знал. Но вот дневник утверждал, что ключ от тайника с доказательствами, сокрытого в винном погребе, лежал в нижнем ящике шкафа.

Дернул ящик на себя, и глазам моим открылось истинное сокровище. Будь я японцем, так забрызгал бы уже полкомнаты кровью из носа.

– Барин, да як же так можно? – Старый служака разве что вскинул руки, увидев, как я роюсь в копнах нижнего белья Майи.

В голубую полоску, розовые, розовые с рюшками, белые, расшитые оборками и кружевами – здесь были трусики на любой цвет и вкус! Я гнал от себя прочь похабные мысли, как их хозяйка натягивала на себя эту миниатюрную красоту и любовалась прекрасными формами своего юного тела. Воображение бредило носочки и чулочки. Чашками возлежали горы лифчиков – я перетряхивал их один за другим, пока по полу не заскакал ключ с резной торчащей бородкой. Словно оправдание, я продемонстрировал его Ибрагиму.

– Вставай, Кондратьич. Род Тармаевых дал нам кров, приют и лечение. Окажем им ответную услугу?

Я не стал слушать его ответ – вряд ли он чем-то отличался от заверений, что он, Ибрагим Кондратьевич, мастер-слуга рода Рысовых, ради чести-то и благородства и в огонь, и в воду, и медную трубу в задницу.

Пулей я вылетел из комнаты Майи, будто за мной черти гнались. Желтый туман немного рассеялся, осел, обратив особняк Тармаевых в филиал вонючего болота. Хорошо, что хоть маски я догадался стрясти с алхимички – кто знает, как бы оно сейчас было без них?

Мой план был прост, как два рубля и три копейки: спуститься в винный погреб, отыскать там тот самый тайник, вскрыть.

Вопросы о том, как, зачем и почему, я оставил внутреннему ребенку – он всегда с ними лучшее меня справлялся.

Как? Ну увидишь, где в винном погребе разруха, драка и раздор – там, стало быть, тайник и искать. Или про него одна только Майя ведала? Зачем? Ну, во-первых, враг моего врага – мой лучший друг, а я начинал подозревать, что любители крыс и смешать спирту под вечерок как раз и стоят за моими несчастьями. Коли так пойдет дальше, они меня изведут – не мытьем, так катаньем. Если этой причины мало, то вот еще одна и очень даже хорошая: У Майи классная задница, у Алиски большая грудь. И пусть занятный дневничок я читал наискосок, но то, что обе хотят разделить меня меж собой, я там вычитал. Почему? А идите вы к дьяволу с такими вопросами!

Ну, что я говорил? Видали? Прямо и все по полочкам разложил.

Нам страшно не хватало оружия. Кондратьич хоть и не признал бы этого под страхом смерти, но чувствовал себя почти голым без него. Мне, признаться, тоже было не по себе.

Удача, пока бежавшая впереди нас и прокладывающая путь, вдруг решила поддать газку и врубила турбоускорение. Я улыбнулся и выдохнул спокойно, когда увидел ее.

Алиска стискивала в руках полуторный клинок. Дыбом стоял пушистый лисий хвост. Костюм горничной лишился юбки и корсета – почти в таком наряде я видел ее сегодня утром.

Алхимик перед ней оказался без руки, едва вытащил из-за пояса пистолю. Его собрату повезло меньше – боевая горничная вспорола ему брюхо, ловко полоснула по лодыжкам, заставив рухнуть на колени. Решающим ударом срубила негодяю голову.

В ее глазах я почти видел то, что принято звать боевым безумием. Я насчитал с десяток трупов в одной комнате с ней – и все из них алхимики.

Она заметила меня и, тяжело дыша, одарила изучающим взглядом исподлобья. Заревев, оказалась рядом со мной в один прыжок, оттолкнула в сторону закрывшего меня собой Кондратьича. Зло сверкнула сталь клинка в ее руках, обещая мне скорую смерть.

Я отскочил, не сразу догадавшись, в чем дело. Маска алхимика! Перебив с чертову дюжину их обладателей, она не спешила разбираться, кто стоит перед ней: друг или враг.

Я потянул руки к проклятым застежкам – словно назло те будто пристыли!

– Алиска, стой! Это я!

Мой голос героически пробивался сквозь клювастую маску. Тщетно – она не слышала и не желала слушать. Издала утробный, первобытный рев, страшно похожий на вой. В ушах у меня заложило. Волна, накрывшая меня и Кондратьича охватывала, заставляла потерять над собой контроль. Предательски подкашивались ноги.

Звериный визг, сообщили мне буквы. Третьего уровня, между прочим: как минимум две секунды оглушения с 25 % шансом заставить противника потерять равновесие. Стоит ли говорить, что за эти две секунды могла сотворить не в меру прыткая лисица с твердой тридцаткой в графе ловкости?

Я не знал, а вот накотивший на меня ужас, кажется, был очень даже в курсе.

Он-то и заставил меня действовать, прорываясь сквозь плену оцепенения. Я пригнулся, и вовремя – клинок прошелестел у меня над головой. Будь я менее расторопен, уже валялся бы с булькающей глоткой.

Воспользовавшись ее промашкой, резко подался вперед, ударил ей головой в грудь. Лисица возмущенно пискнула: на и без того разгоряченном лице показался стыдливый румянец.

Стыд у девчонок быстро меняется на злость, Алиска исключением не стала. Оскалилась, показав зубы, бросилась, в этот раз метя в ноги.

Я как будто видел, куда она собирается бить. Не текстом, наоборот – время на мгновение замедлялось, движения вокруг меня становились плавными, ватными. А в голове тотчас же возникал образ ее следующей атаки.

Если что и понял за последние часы, то, что доверять причудам своего нового тела равносильно выжить. Не было причин сопротивляться и теперь.

Я перекатился в противоположную от лисицы сторону – промахнувшись уже во второй раз, она зло сверкнула глазами – кажется, первые победы вскружили ей голову. В глубине ее очей таилась обида за то, что я столь нагло посмел опробовать ее подушки безопасности. Словно осатаневшая, она набросилась на меня с утроенной силой – я решил, что негоже гордому потомку роду Рысовых просто скакать из угла в угол. Не дожидаясь, когда Кондратыч соизволит прийти на помощь, ловко юркнул от ее очередного удара, саданул ногой по лодыжке – не ожидавшая подобной подлости Алиска согнулась, ахнула и, потеряв равновесие, чуть не завалилась на пол.

Клинок нехотя покинул чужую ладонь – алхимик стискивал рукоять посмертной хваткой. Извини уж, дружище, но мне эта приблуда сейчас куда нужнее, чем тебе! Я выставил его перед собой в самый последний момент – лисица что было сил попыталась разрубить меня одним замахом. Весь ее включенный вид говорил о небывалом раздражении – она будто так и хотела спросить у меня, какого же черта я смею не умирать. Нормального ответа у меня для нее не было.

Ее клинок замелькал у меня перед глазами – неистово, с каждой промашкой становясь злей и отчаянней, она лупила наотмашь, позабыв о прежней изящности. Все, чего ей хотелось сейчас, – это очистить меня, словно картофелину.

Ибрагим вступил в игру неожиданно – я и заметить не успел, когда же этот черт прокрался мимо нас. Пистоля в его руке бахнула так, что мы с Алиской вздрогнули в унисон. С потолка посыпалась побелка, комнату спешил заполнить едкий пороховой дым. Шевеля усами, будто рассерженный до белого каления таракан, старик методично засыпал в ствол новый заряд, словно давая понять, что если кому-то здесь недостаточно предупредительного выстрела – у него хватит духу и на непредупредительный.

Алиска словно охолодилась – она сверкала на моего слугу взглядом, но не двигалась с места. Оно и понятно – меньше всего на свете она желала увидеть его в своих противниках.

Я не стал ждать дальнейшего развития событий. Острием клинка вспорол треклятые ремни маски – словно тарелка, та хрустнула на полу, рассыпалась осколками. Не обращая на это никакого внимания, я схватил девчонку за руку, резко дернул на себя – меч из ее рук вывалился, загремел бездушной железкой.

– Федя?

Она смотрела на меня и будто бы видела в первый раз. В ее голове пробуждалось осознание, что всего пару мгновений назад она собиралась сделать нарезку из своего лучшего друга. На губах так и засели слова тысячи и одного извинения – ну уж нет, если она сейчас расклеится, то все пропало! Краска стыда вновь посетила ее щеки, злости же я дожидаться не стал.

– Алиска, ты знаешь, где винный погреб? – я шмыгнул носом, решив, что и дальше быть безоружным хреновая затея. Пробежался глазами по раскиданному оружию, выбрал самый лучший клинок, вырвал его из мёртвой хватки алхимика.

Она захлопала глазами, все еще не в силах справиться с собственным удивлением. Ну уж нет, так дело не пойдет! Дабы привести лисицу в чувство, я от всей души дернул ее за хвост – кажется, сработало.

Алиска отскочила от меня на добрый метр, оглаживая и прижимая к себе свое рыжее сокровище. Я тут же повторил вопрос.

– Винный погреб? Зачем? Что там делать?

Я облизнул высохшие губы – про тайник, значит, она не знала. Хорошо это или плохо, подумаем как-нибудь потом, но одно ясно точно – у Майи были секреты даже от лучшей подруги. Впрочем, на ее месте я бы тоже не стал рассказывать всем и каждому, где прячется нечто ценное лично для меня – даже у стен есть уши, даже самые верные языки развязываются. В мире-то с магией, я верю, это было даже куда проще, чем в родном для меня.

– Знаешь или нет? – Я чувствовал, как драгоценное время утекает меж пальцев. Я едва не поддался первому порыву зло зарычать, махнуть на девчонку рукой и продолжить поиск уже без ее помощи.

– Знаю! – пискнула она, покачала головой, возвращая на девичью моську боевой настрой, проговорила уже куда уверенней: – Следуй за мной! Только не отставай, понял?

Кивнул. Махнул Кондратьичу – тому мои слова без надобности, тяжело бухал сапогами за спиной. Хоть и ничего не понимал – он-то дневника не читал. Мне казалось, что я так и вижу недоумение, что клубком роится в его голове. Если бы все проблемы да в винном погребе решались, так и читалось на его лице, так жисть-то какая бы сразу же настала! Уж не чета тому, что творится. Я был с ним абсолютно согласен.

Алиска была будто вихрь. Уж не знаю, как она вытворяла свои трюки. Но разве что по потолку не бегала. Меч в ее руках ложился смертной карой на голову любого, кто осмелился сегодня натянуть на себя маску алхимика. Интересно, сколько у Тармаевых таких бойцов, как она? Если больше десятка, то можно не просто выбить любителей похимичить на ночь глядя, но и хорошенько наподдать им уже на их территории.

Так оно, судя по всему, и было. Прислуга хранителей Колбы Безумств перешла от нераспорочной обороны к отчаянной, но контратаке. Горничные, в коих бы я ни за какие коврижки не признал хороших бойцов, умело управлялись не только с швабрами. Вооружившись, в том числе и за счет нападавших, они теснили алхимиков прочь. Желтый туман спешно отступал под напором огненной магии – были ли у Майи братья и сестры? Я не знал, но видел воочию, как белобрысый малец дарил жар собственной ярости любому, кто смел явиться с оружием в его дом. К творившейся неразберихе и сумбуру прибавился пожар – синим, неестественным и явно чародейским пламенем он неспешно доедал занавески, принимался за старенькие, давно мечтавшие о замене обои и с жадностью поглядывал на деревянные балки и лестницы.

Потом, твердил я самому себе, все потом. Словно согласная со мной Алиска едва ли не паровозом прокладывала нам с Кондратьичем путь. Мне даже как-то стало стыдно перед ней – она взяла на себя большую часть работы, оставив на нас лишь неловких подранков.

Впрочем, и тем было чем удивить. Поганец в клювастой маске чуть не продырявил меня из миниатюрного дамского пистолета, за что опробовал несколько дюймов каленой стали. Я убивал всего второй раз в жизни, но это оказалось гораздо проще, чем думалось. Клинок легко вспорол негодяю живот. Словно не желая оставлять грех на душе барина, с несчастным разделался Ибрагим.

– Зачем тебе в винный погреб? Что там? – Кажется, решив взять пример со старика, Алиска начала задавать неудобные вопросы.

– Увидишь, – прошипел я ей в ответ прямо на ходу.

Интересно, вдруг подумалось мне, что будет, если я прискачу туда со своей зондер-командой, а там на самом деле не окажется никого и ничего, даже тайника? Помашу перед носом ключиком, разведу руками? Здравый смысл говорил, что было бы неплохо выдумать хоть сколько-то приемлемое оправдание. Шестое чувство решило иначе – словно в старом мульте про человека-паука у меня вдруг закололо в висках, аж в зубах заломило. Я всем нутром почуял, что единственное, что мне сейчас нужно, так это нырнуть влево, прижаться к стене и кувырнуться прочь. Тело протестующее застонало, спрашивая, как оно вообще выполнит все эти кульбиты, но его вопрос потонул в треске прямо над головой.

Меня осыпало каменным крошевом, следом посыпались огненные искры – решив больше не спорить с собственными предчувствиями, рванул, куда велело подсознание. Все перед глазами закружилось будто в каком-то диком танце – я пришел в себя лежащим на полу, вытянувшись в струну. Руки сами сложились замком над головой, рядом грохнула полыхающая балка. Краем глаза я видел, как Ибрагим попытался последовать моему примеру, но синее пламя, будто живое, лизнуло его самым кончиком – старика будто пинком отшвырнуло прочь.

Алиска в миг оказалась рядом, не оставляя попыток поставить меня на ноги.

– Идем! Сейчас мы ему совершенно ничем не поможем! – Она теребила меня, будто умоляя. Я посмотрел ей в глаза и понял, что она права. Если сейчас брошусь помогать Кондратичу, весь мой изначальный порыв пойдет псу под хвост, следом за судьбой рода Тармаевых.

А там, чего греха таить, в синем пламени может сгинуть и моя новая жизнь...

Глава 5

Лисица утешала меня как могла и как умела. Если с клинками она обращаться умела, то словом владела не очень хорошо. В уши мне лился елей, что с Ибрагимом обязательно все будет в порядке, что огонь его не тронет, что алхимики почти перебиты.

Она говорила с таким усердием, будто в самом деле верила собственным словам. Мне хотелось верить тоже: ни за что не прошу себе, если со стариком случится что-то. Он меня полуживого вытащил, досюда дотащил – а я, значит, вот так по поганому его взял и бросил?

– Синее пламя, – не унималась Алиска, – оно только предметы жжет, а людей отбрасывает. Стороной обходит.

Я попытался представить сие чудо, но получилось не очень. Девчонка же, всего на миг остановившись, воздела палец к потолку, заявив, что это разработанная домом Тармаевых механика безопасности. Говорила она таким тоном, будто едва ли не лично участвовала в работах.

Здравый смысл воспротивился, говоря, что механика безопасности – это завсегда хорошо и отлично, вот только знать бы еще, зачем Тармаевым так приспичило жечь собственный дом. А что делать с угарным газом? Мне вспомнилось, как в деревенском пожаре вытащили мальчишку – живого и не тронутого огнем, но попросту задохнувшегося. Что случится с Катькой, которую мы с Ибрагимом оставили висеть под потолком?

Мысли змеями лезли в голову. Злыми бесами плясали у самого уха, нашептывая... гадости, конечно же, что еще.

Алхимик встретил нас у самой лестницы, будто поставленный охранять вход. Перекидывая нож из руки в руку, он припал на ноги, будто готовясь к прыжку. Алиска резко затормозила, я едва не врезался ей в спину. Едва увидел этого мелкого поганца, понял: только идиот оставляет мальчишку с ножом охранять дверь. А умный человек предпочтет сделать из этого засаду.

Нутро взбунтовалось, предупреждая об очередной опасности, и снова был ему благодарен по самый гроб. Я пихнул девчонку прямо в противника – не ожидавшая ничего подобного Алиска сделала вперед несколько неаккуратных, спешных шагов – сам же я пригнулся, перекатился вбок.

Хлопок сзади говорил, что я ничуть не ошибся в своих измышлениях – голова алхимика лопнула, будто перезрелый арбуз – позади нас стояли еще двое. Один стискивал в руках винтовку, второй держал в замахе над головой бутылку с какой-то гадостью.

Я в один прыжок оказался рядом с тем, что готовился ко второму выстрелу, ткнул его клинком в самое брюхо – противник нелепо попытался загородиться ружьем, но ничего не вышло. Сталь пробила его насквозь, словно лист бумаги, заваливаясь наземь он захрипел. Из широко разинутого рта вместо крика плевком вырвалась густая, алая кровь.

Его собрат передумал швырять гранату, я превратился в цель номер один. Он вывернулся, когда я метил ему в самую шею, воспользовался силой инерции, рубанул бутылку по спине – позвоночник отозвался резкой болью. Его рука, закованная в стальную перчатку, тис-

ками стиснулась на моем запястье, большой палец ловко нашел болевую точку, заставив выронить клинок. Схватив за шкуру, он собирался познакомить ближайшую стену с моей головой.

Ну уж нет, я ему не колотушка! Вырвался, изо всех сил ударил ногой прямо под коленку – шипя от дикой боли, мерзавец согнулся, я же выпрямился, метя кулаком в его удивленное лицо.

Поток огня сорвался с Алискиного клинка, будто феникс. Пылающей птицей врезался в моего оппонента – едва вспыхнув, несчастный вмиг почернел, дымящейся, исходящей паром тушей рухнув мне под ноги.

– Я бы и сам справился, – сказал девчонке. Но, видя, как она нахмурилась, решил, что доброе слово и лисице приятно: – Ты все равно молодец.

Хвостатая горничная ответила игривой улыбкой, вместе с ней мы посмотрели на двери. Засов бесхозной палкой валялся поперек пола, скрипели петли чуть приоткрытой дверцы, будто приглашая любого желающего войти в страну чудес. Эх, кружка-две – и Кузя рад, вспомнилось мне, прежде чем мы вошли...

Винный погреб всегда представлялся мне маленьким подвалом, где едва ли помещается одна, ну, может быть, другая полка с бочонками. В воздухе витает дивный аромат настоявшегося, набравшегося силы и вкуса прошедших лет вина. А вместо этого нас ждал самый настоящий лабиринт. Ну, пожала плечами ирония, чего ты, в самом деле, ожидал? Что будет просто? А мне ведь уже с самого утра требовалось осознать, что «просто» осталось где-то в теперь уже очень далекой, прошлой жизни.

Единственное, что совпадало с ожиданиями, – витающий, пьянящий аромат в воздухе. Казалось, достаточно было провести здесь ночь, чтобы оказаться в зюсю, не сделав даже и глотка.

Бочонки громоздились друг на дружке. Тут и там, сложенные горстями, лежали шпунты, клинья и пробки. Один ряд сменял другой, перед глазами мелькали цифры – года розлива.

Внезапный грохот заставил нас с Алиской вздрогнуть. Я рывком выскочил перед ней, закрывая сжавшуюся лисицу собственным телом. Бочонок, стоящий перед нами, обратился в гору обломков. Я чувал, как все мое тело с ног до головы, не щадя одежды, посекло деревянной щепой.

По полу растекалась сладкая, манящая припасть к ней лужа – я точно знал парочку мужиков, которые бы на моем месте точно так и сделали.

Огонь побежал по свежему вину, из крохотного пламени обращаясь алым пожарищем. В лицо резко ударило жаром, воздух заполнился гарью и вонью паленой шерсти с кожей. Словно кусок мяса, в стену швырнуло то, что когда-то было человеком. Алхимик, разорванный на части, был все еще жив – перебирая культиями, подвывая от ужаса, он пытался уползти прочь. Алиска решила за него и в один прыжок оказалась рядом – клинок отсек бедолаге еще и голову, завершив его жизнь.

Я же всматривался сквозь поднятые пыль и дым, кто же обладал столь мощной силой.

Тармаев-старший. Я видел его в первый раз, но моя особенность уже успела обозначить его имя. Кивнул внутреннему сорвиголове, заставляя опустить заготовленный для удара клинок – свои.

Он был плотен и широк в плечах. Самый настоящий человек-гора – подумать только, от такого великана родилась столь миниатюрная девушка, как Майя. Совершенно безоружный, он стоял, гордо выпрямившись перед лицом опасности. Еще трое алхимиков решили заполучить его жизнь в свои руки, но он не давал им повода помыслить, что он отдаст им свой дом столь легко.

Его взгляд говорил только об одном: каждая испорченная сегодня занавеска будет оплачена кровью.

Устав ждать, когда кто-то из мерзавцев наберется смелости, он ударил первым. Кто там говорил, что бесконтактный бой – полная туфта? В этом мире за такое можно было и по лицу отхватить.

Бесконтактно.

Тармаев-старший провел хук из боксерской стойки – струя жидкого огня лизнула того, что стоял ближе остальных. Будто живой, огонь хватался за его одежду, спешил перекинуться с штанов на рубаху, с рубахи на куртку. Выбыв из боя, визжа, как девчонка, любитель похитить скидывал с себя одежду. Его товарищи напали следом, уразумев, что ждать – себе же хуже. Не выдумав ничего лучше, один швырнул склянку под ноги огненному магу, второй метил клинком по глазам. Отец Майи оказался непрост – топнул до того, как хрупкая граната коснулась пола, и взлетел на струе пламени, будто на реактивной тяге. Зеленым дымом изошла дрянь, что была в разбившейся бутылки. Тармаев-старший на лету поймал пытавшегося прирезать его поганца, приподнял над собой, будто мешок картошки, и резким ударом колена сломал спину, швырнул наземь разом обмякшую тушу. Приземлившись на обе ноги – неровно, постарчески крикнул, но хлопнул в ладоши. Пылающий жар тотчас же сорвался зеленым, ослепляющим огнем – готовивший очередной бросок алхимик лишился большей части своего тела. Почерневший скелет стоял еще мгновение, еще секунду назад живое тело тщетно и напрасно пыталось удержать равновесие, прежде чем упасть.

Внутри меня заплодировал любопытный ребенок. Вот! Вот такую магию-то я как раз и хотел увидеть, а не эти ваши доспехи из крыс и прочую лабуду.

Шарик выкатился из-за стоявшей напротив Тармаева полки с бочонками, исторгая из себя тучу дыма. Хозяин дома успел развернуться, но грянул выстрел – еще недавно готовый защищать свою усадьбу отец Майи вдруг разом растерял все свои силы, припал на колено.

Не сговариваясь, мы с Алиской бросились ему на помощь.

– Я всегда говорил, что магия – удел слабых. А вот химия и добрый револьвер...

Говорящего не было видно. Туман из его бомбочки еще только рассеивался. Тармаев – вспотевший, уставший и выдохшийся – смотрел на нас с плохо скрываемым недоумением.

– Федя? Алиса? Вы что же? Вы тоже... с ними?

В ответ ему прозвучал смех. Сухопарый, вытянутый и длинноногий парень выпорхнул из своего укрытия. Незапятнанный строгий костюмчик, подогнанные по фигуре брюки. Плащ, маска, трость и револьвер – он будто всем своим видом желал походить на джентльмена. Белая, такая же, как у Катки, выжженная шевелюра, взгляд серых, почти скрытых под густыми бровями глаз.

– Забавно. Если уж даже те, кто подарил тебе кров и стол, видят в тебе предателя, Рысев, я даже не знаю, что и сказать.

Константин Менделеев парил в воздухе, красиво развевался от неведомо откуда взявшихся потоков ветра черный, с красным подбоем плащ. Торчком стоял воротник – за ним при особом старании можно было спрятать голову целиком. Я пытался прочесть его точно так же, как и читал остальных, пока моя особенность вновь не решила выключиться.

– Мечи, пистолеты, все, что бахает, режет и может показаться мне странным, – на пол. – Парень был серьезен не по годам. Я глянул на Алиску – следовать его приказу она и не думала, я тоже не спешил.

Он держал револьвер, тупое дуло которого направлял то в мою, то в Алискину сторону. Тармаев-старший из последних сил схватился за плечо, застонал. Его терзали боль и онемение – выносливость утекала из него вместе с полоской жизни. Еще недавно опустошенный лишь на треть запас маны готов был лишь пожать плечами и показать зеро. Опустошающее ранение – прочитал я в статусе. Пистолет же в руках того, кто отвечал за сегодняшнее нападение, носил ту же характеристику.

Опустошающий.

Я облизнул высохшие губы, не зная, что делать дальше. По-хорошему, было бы неплохо увести отсюда Тармаева-старшего, а уж потом разобраться с этим поганцем. Но он ведь не дурак, ждать не будет, и что-то мне подсказывало, что его изрядно и уже давно дырявая честь позволит ему стрелять в спины.

Алиска раскачивалась из стороны в сторону, не желая выходить из боевого транса. Она смотрела на висевшего в воздухе чародея лишь как на законную добычу – казалось, она всех только так и видит. Ее глаза опасливо блеснули тем самым безумием, с которым я недавно столкнулся. Хорошо хоть, что сейчас на мне нет этой проклятушей маски.

– Я всегда считал тебя полным ничтожеством, Федор. Но никогда не собирался обижать убогого. Итак, у меня есть к тебе предложение.

Я молчал, лишь переглянулся с Алиской. Лисица шаг за шагом, но все ближе была к Тармаеву-старшему. Ей хотелось прикрыть, закрыть его собой, защитить любой ценой. Будто он был и ее родным отцом тоже. Я видел, как дрожали ее руки, до побеления стискивавшие рукоять клинка, – ей нужен был только момент для того, чтобы ударить.

Я кивнул – и ему, и ей. Сыграем пока по его правилам, посмотрим, что из этого выйдет.

Страх бурлил во мне неприятным комком, крича о том, что надо делать хоть что-то. Тупо переть в атаку, бить наотмашь, с размаху, не зная пощады, всем, чем только попадется под руку.

И обязательно орать во всю глотку – чтобы показать, что не мне тут, это всем остальным страшно.

– Я дам тебе возможность уйти. Ни у меня, ни у рода Менделеевых нет никаких претензий к Рысевым. Я бы даже счел личным оскорблением саму мысль о том, что кто-то столь ничтожный способен доставить нам проблемы. А потому... – Он придавил курок пальцем, а пистолет направился в сторону Алиски. Лисица вдруг застыла на одном месте и как будто бы даже забыла, как дышать. Втянула живот в ожидании резкой боли.

– Не будем усложнять и без того затянувшийся балаган. Я позволю вам увести отсюда вашего избитого, будто старую псину, патриарха, и вы свалите в туман. К завтрашнему утру эта халупа догорит, и от ней останется лишь дикая вонь воспоминаний. Я отпущу вас и даже сделаю вид, что вас тут никогда не было. Даю слово рода.

– Слово рода Менделеевых не стоит и навозной кучи! – рявкнула не выдержавшая Алиска, первой метнувшись к нему с клинком наперевес. Острие меча исполнило пируэт, на взмахе набираясь огненной мощи, норовя ее обрушить на парящего в воздухе алхимика. Тот рывком юркнул в сторону, закрылся плащом, врезавшийся в него поток пламени будто ударился о стену, разошелся волнами, сошел на нет. Лисица не желала сдаваться столь легко. Едва закончив один прием, ее меч закружился в восьмерке, обещая быструю смерть любому, кто осмелится оказаться рядом.

Грянул выстрел, но хвостатая воительница успела закрыться от него мечом. Сталь встретила свинцовый гостинец, заставив тот скрикошеть прочь – и в без того полный дурманящего духа подвал пролилось вино из «раненого» бочонка.

Горничная дома Тармаевых вдруг потеряла равновесие, споткнувшись на ходу, нелепо вскинув руки, прежде чем упасть. Выпускать клинок из рук ей и не пришлось в голову – будто это было единственной драгоценностью в ее жизни. Ноги теперь стягивала липкая, гадкая паутина. Плевками мерзкой жижи ей залепило рот – Алиска выпучила глаза. Ее руки вместе с мечом опутывала паутина слой за слоем, лишая ее любой возможности сдвинуться с места.

– А ты так и остался стоять. Я бы сказал, что «уважаю», но ведь не уважаю, Федя. Мое предложение все еще в силе, но теперь немного изменилось. Отпущу только тебя. – Я почти нутром чувствовал, как под маской этот пижон корчит наимерзейшую из всех возможных лыб. – Род Рысовых всегда славился умением вовремя и позорно дать деру. Так не будем же портить эту постыдную традицию, останемся верны благоразумию. Да, Федор? У тебя есть ровным счетом десять секунд, прежде чем я спущу курок. Бросай клинок, развернись и уйди.

Глянул на Тармаева-старшего – тот, кажется, не строил никаких иллюзий насчет меня. Понимал, что здесь я ничего не смогу сделать. Он словно взглядом пытался сказать мне, что поймет, если я поступлю именно так, как мне и говорят.

А вот Алискины глаза говорили об обратном. Пусть он простит. Пусть весь мир изойдет на слюну всепрощения, но она запомнит мой уход на всю жизнь. И не будет мне ни сна, ни покоя – даже после смерти ее дух будет приходить ко мне муками совести.

Я закусил губу, взгляд бегал по всему, что видел. Ну же, буквы, строки и предложения – давайте, сейчас на вас вся надежда! Расскажите мне все обо всем в этой комнате.

И обо всех.

– Восемь, – вдруг проговорил парень. – Хочешь, я тебе, как маленькому, отсчитаю? Времени у меня не так уж и много, но десять секунд – чего не отыщешь для дорогого друга?

У Менделеева было добрых шестнадцать очков в интеллекте, что делало его полоску маны воистину резиновой. Удался он и в харизму, а вот про силу, кажется, вовсе забыл. Жалких два очка?

Я кивнул самому себе, все еще не зная, что делать с этой информацией.

– Четы-ы-ы-ре с полови-и-и-инкой. – Мерзавец издевался над моей стойкостью. Будто зная, что я не выдержу, развернусь и уйду. Наверно, прежний Рысев именно так бы и сделал.

А вот два укравшихся в тених паука – уже нечто полезное. Я бросил взгляд на возносящийся рядом шкаф – если нырну за него за долю секунды, то, возможно, их паутина меня не заденет. Главным было лишиться поганца пистолета, способностей, что достанут меня на расстоянии, у него не наблюдалось.

– Два-а-а-а...

Я вдруг развернулся, собираясь уйти. Менделеев же улыбнулся – просто не мог не улыбнуться. То, что он собрался сказать, говорят лишь с насмешкой.

– Скажи на милость, Рысев, тебе не позорно быть такой никчемной, жалкой и трусливой собакой, которую пинает каждый, у кого только поднимется нога?

– Вот сейчас и выясним. Подонок! – через плечо бросил ему я и нырнул к шкафу. Будто только того и ждавший Константин одарил меня волной черного, уничтожающего хохота.

– Я знал, что если хорошенько наперчить под хвост, в тебе взывает какая-никакая, но гордость. Я бы сказал, что уважа...

Я не дал ему договорить, что есть сил приложив ногой по шкафу. Столкнуться не получилось, а вот заставить покачнуться – очень даже. Парящий по воздуху алхимик спешил прочь, его пауки-охранники нырнули ко мне. Первый шлепнулся прямо передо мной на пол. Поднял брюшко, собираясь плюнуть паутиной. Ага, шас! Я поддел его ногой, будто футбольный мяч, отшвыривая прочь. Второй, раскачиваясь на паутине, мечтал оказаться у меня за спиной. Мой клинок вспорол его надежды вместе с тонким слоем хрустящего хитина – зеленые, жидкие потроха брызнули в разные стороны, грязью осев на острие меча.

– Тебе не уйти, Федя. Ты же помнишь, как я гонял тебя по всей школе? Помнишь чем?

В его руках тут же показались две колбы. Одна, хрустнув от встречи с полом, выпустила из себя россыпь крошечных пауков; из второй на них пролилось нечто мерзкое и пахучее. Словно питаясь чужим отвращением, пауки росли как на дрожжах. Если до того их было всего двое, то теперь с десятков прытких тварей желали видеть во мне муху. Менделеев поднялся в воздух – ему до ужаса хотелось видеть все, что сейчас случится. Он будто спрашивал: что ты сделаешь со своим ножичком-переростком? Бросишь его в меня? Здравый смысл уныло буркнул, что надо было прихватить с собой ту винтовку, что была у одного из алхимиков.

– У меня для тебя есть и еще один подарочек! – Словно его сумка была бездонной, он вытаскивал одно зелье за другим. Они бахались рядом с пауками: и без того разросшиеся монстры норовили стать еще ужасней, обрастая чудовищными клыками, дополнительной парой

глаз, возможностью плевать кислотой. Если Рысев боялся чего-то подобного в глубоком детстве, то, должен признать, мне не в чем его винить.

Отступать было уже слишком поздно – эта мерзкая десятка не даст мне сделать и шага, если повернусь к ним спиной. А некоторые уже были у меня за спиной.

Я решил принять в себя науку Тармаева-старшего, да и любого двора девяностых. Бей первым, а дальше будь что будет.

Паук встал передо мной на задние лапы – ножки перебирали по воздуху, будто надеясь зажать меня в объятиях. Я бил по ногам, считая, что чем больше шкаф, тем громче он падает. Ломкие, не предназначенные для такого веса лапищи хрустнули, будто сухие ветки – подвал заполнился почти птичьим стрекотом. Не желая оставлять подранка, я что было сил вмазал поганцу промеж восьми глаз ногой. Его собрат подскочил, пытаясь защитить израненного товарища – еще трое выросли за моей спиной, будто хвастаясь друг перед дружкой обилием торчащих во все стороны рогов, подобий копыт и чего-то уж вовсе несуразного. Кислота вместо паутины струей устремилась ко мне, но я пригнулся, тут же отскочил – несколько капель успели коснуться моей спины, даруя разве что сильнейшие химические ожоги. Будем надеяться, что Майкина магия справится и с этой заразой. А вот кому не поздоровилось, так это той твари, что стояла передо мной. Кислота разъела паука, сожрав добрую половину туловища. Над головой грянул выстрел – не скрывавший своего восторга Менделеев погрозил мне пальцем, показывая револьвер. Будто предупреждая, что пистолет все еще в его руках.

– Я буду гонять тебя по этому подвалу, будто крысу. Пока не надоест. А потом... – Он вдруг зевнул, нехотя прикрывая рот рукой. – Потом убью.

Я схватил останки – они оказались на удивление тяжелее, чем мне казалось, швырнул их в самого крупного паука. Великан недоуменно поймал жвалами труп собрата по паутине, словно в надежде размолоть его. Я поднырнул под ближайшую тварь, схватил со стойки тяжелую бутылку, словно дубину, опустил на его голову, разрубая напополам, пока он не пришел в себя. Плевун решил отскочить – кажется, мне попалась довольно умная и осторожная особь, не шибко торопившаяся на тот свет. Ничего, мы ему поможем выбрать правильный путь в этой жизни. Будто таран, я попер на него, схватив за одну из мерзких лап. Остальные десять силились разорвать мне лицо – щетинистые лапки драли кожу в клочья, норовили прилипнуть к волосам. Он отчаянно поджимал брюшко, готовясь излить яд кислоты прямо мне на ноги.

Мы врезались с ним в гордо стоявшие друг на друге бочонки – один из них опасливо покачнулся, собираясь сверзиться. Я занес меч для решающего удара, но только лишь для того, чтобы кружась уйти в сторону – великан возжелал раздавить меня. Ломая полки, круша бочонки, давя в мелкое крошево стекло бутылок, он надвигался ко мне как сама неотвратимость. Удар, предназначавшийся мне, вдруг раздавил не успевшего оправиться плевуна – кислота, булькавшая где-то в недрах его брюха, тут же брызнула во все стороны. Великан отчаянно заревел – его хитин плавился, обнажая мягкие, сочные, а главное, беззащитные места.

Еще одна пуля врезалась в бутылочный стенд. Менделеев веселился, глядя на то, как я добиваю его порождение – ведь еще пятеро изучали мою тактику, движения и уже готовы были оказать достойное сопротивление.

Мне надоело.

Я перекатился по земле, ударил клинком за спину, подцепил шестого противника, как на вертел, шмякнув его в дымящуюся лужу кислоты. Та обратила паучка-переростка в голосящий комок сплошной боли.

Седьмой был разрублен напополам еще на подлете, но я заметил его лишь краем глаза. Взмокшее от усталости тело реагировало само. Отскочив от земли, не давая верхней половине рухнуть наземь, ударом с разворота отправил кусок плоти в полет. Константин, слишком поздно распознавший мой трюк, вздрогнул, но не успел ничего сделать. Импровизированный

снаряд врезался в него, заставил ухнуть, потерять концентрацию и удариться головой о потолок – его падение было предопределено.

Стоило ли говорить, что во мне проснулось второе дыхание? Возликовав, набросился на поганца, первым делом выбив из руки револьвер. Будто забыв про меч, я работал руками – по лицу, почкам, животу. Несчастный беспомощно закрывался, кричал что-то про пощаду, но я уже не слышал. Словно то безумие, в котором я застал Алиску, перешло и ко мне.

Выжившие твари бросились на подмогу хозяину. Один из них резким ударом врезал мне по скуле – все тело взорвалось болью. Второй брызнул паутиной – комками она оседала на кулаках. Еще рывок, и они свяжут мне руки. Оскалившись, сжав зубы, я разорвал свои путы, но уже пришедший в себя Менделеев вдруг поджал ноги и ударил мне в живот.

Из меня как будто разом выбили все дыхание. Я попятился, припал на колено, облокотился о стену. Над головой послышался невесть откуда взявшийся рокот, будто предвестник будущей гибели. Показалось, что земля под ногами вздрогнула, но я не придал этому значения – мало ли что в таком состоянии кажется.

Это конец, шепнуло мне сознание, когда он вытащил из недр плаща второй револьвер и направил на меня ствол. Избитый, грязный, ободранный, сейчас он был жалок как никогда и собирался отплатить мне за свое унижение смертью.

Он вдруг резко повернул ствол в сторону Тармаева-старшего.

В фильмах бы успел крикнуть нет, здесь же мое тело будто само бросилось в надежде закрыть собой старика. Спусковой крюк клацнул, высекая искру, а мне казалось, что я вижу несущуюся ко мне смерть...

Огненная богиня с грохотом пробила потолок над нашими головами, словно снаряд. Прикрыв глаза рукой, я бросил на нее взгляд – в женственных полуобнаженных очертаниях читалась доведенная до белого каления Майка. Глаза девчонки пылали, словно уголки. Руки готовы были исторгать пламя.

Револьвер в руках Менделеева заговорил на языке жгучей боли и бессилия, смерть же, разом растеряв былой запал, свинцовыми каплями пролилась наземь. Майка неотвратимо надвигалась на Константина. Глядя на него, она не проронила ни слова.

– Прочь! – визгливо выкрикнул Менделеев. Самоуверенность его сменилась паникой, он в один момент стал до бесконечного жалок. От бессилия он швырнул в нее пистолетом – тот плюхнулся лужицей металла мне под ноги.

Пылающая дочь Тармаевых поднялась в воздух, живым пламенем взирая на скорчившегося на полу перед ней парнишку. Она жгла его огнем своего молчания – я видел, что в ней пылает лишь одно-единственное желание: обратить его в корчащуюся от дикой боли головешку. Отплатить ему за то, что его род только что сотворил с ее домом. С людьми, которых она знала с самого детства.

Не помня себя от накатившего ужаса, Менделеев схватился за голову. Он бежал прочь, как дикий, побитый пес, и у меня не было сил его остановить.

Не глядя на его постыдное бегство, не сводя взгляда с раненого родителя, она опустилась, зажмурилась и выдохнула. Пламя, обжигавшее меня, неспешно подхлестывало к ней со спины, унималось нехотя. Оно капризно жаждало наброситься на кого-нибудь. Спать, присвоить, пожрать – больше, больше! Не знаю даже, каких сил ей только стоило провернуть этот фокус.

Я хотел коснуться ее плеча, но она резко, на одних только носках обернулась ко мне, прищурилась, глядя в глаза. Ее подозрительность исчезла не сразу.

– Ф-федя? А... что ты тут делаешь?

Я закусил губу, ответить было нечего. Вместо пустых слов показал ей то, что лежало на моей ладони.

Ключ блеснул каплей жидкого огня...

Глава 6

Доходный дом пах всем и сразу. Одного только взгляда на ту квартиру, что досталась нам с Кондратьичем, хватило, чтобы впасть в уныние. Это после роскошных-то апартаментов, в коих довелось проснуться еще сегодняшним утром.

Судьба хищно ухмылялась мне в лицо, будто так и говоря, что еще позавчера мою тушку намотало на колеса камаза, вчера я проснулся в новом для себя мире и теле, а уже сегодня умудрился пережить межродовую войну, пожар и обиду Майки.

Я ухмыльнулся в ответ, отдавшись во власть сладким воспоминаниям о том, как раскрыл ладонь перед ней. Из огненной богини, только что обрушившей свой гнев на грязных нечестивцев, она вмиг обратилась в пунцовую, как рак, девчонку. Взвизгнула от одного только осознания, что я рылся в самых ее личных вещах, опасливо скрестила руки на груди.

Благо, что у нее на тот миг хватало иных забот, иначе бы она еще вспомнила, что о ключе я мог бы вызнать разве только что в ее презабавнейшем дневничке. Где-то внутри меня все еще сидело сожаление, что не прихватил с собой столь занятное чтиво. Всегда можно было бы списать на то, что заветная тетрадь сгинула в пучинах синего пожарища. Хотя, кто ее, магию Тармаевых, знает? Может, их личные вещи она не трогает?

Я не знал.

Алиска увела меня к Ибрагиму. Дом, еще недавно походивший на неприступную крепость, был усеян трупами – своих и чужих. В воздухе витал запах только что унявшегося пожарища. Майе не стоило труда потушить его, но он уже успел натворить дел, скушав, по моим скромным прикидкам, половину особняка. Сколько денег уйдет на восстановление, мне даже страшно было представить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.